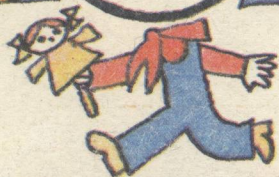

ISSN 0130 6375

ИСКОРКА

1 ЯНВАРЬ
1986

ДЕТИ
РИСУЮТ
МИР

„Новогодний карнавал". Марголина Кристина, 12 лет.

„Выходной день". Семенова Марина, 16 лет.

ИСКОРКА

1 ЯНВАРЬ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
Ленинские
искры
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Игорь СИДОРОВ

ТВОЙ ДРУГ КОМПЬЮТЕР,

ИЛИ
**КАК И ЗАЧЕМ
ЧЕЛОВЕК СОЗДАЛ
ЭЛЕКТРОННО-**

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНУЮ МАШИНУ

Древний человек, пытая и обливаясь потом, тащил для постройки хижины тяжеленный камень. Когда пыhtеть надоело, он призадумался... и изобрёл колесо. Так произошла первая техническая революция. По миру побежали повозки, телеги, кареты...

Намного сильнее стал человек!

Усталая лошадь крутила колесо, качая воду из шахты. «Жалко животное, — думал, глядя на лошадь, английский учёный Джеймс Уатт. — И качает-то еле-еле...» И... изобрёл паровой двигатель. Так началась вторая техническая революция. Появились двигатели паровые, бензиновые, электрические... Понеслись автомобили. В глубины океанов ввинтились подводные лодки. Полетели самолёты.

Ещё сильнее стал человек!

**КАК СЕГОДНЯ
СТРОЯТ
ЗАВТРА**

*странички из
предсезонного
календаря*

Мы с вами живём в век третьей технической революции. Что же нового изобрели люди ещё?

И давайте прежде всего разберёмся, что стало необходимо изобрести человеку.

**ИНЖЕНЕР ЛОСЬ
ЛЕТИТ МИМО МАРСА**

Кто ещё не читал «Аэлиту» Алексея Толстого — прочитайте. Страшно увлекательная книга о том, как инженер Лось и красноармеец Гусев отправились на Марс освободить угнетённых марсиан.

«Должно быть, мы проходим голову кометы, — шёпотом сказал Лось. — Включите реостаты. Нужно выйти из этих полей, иначе комета увлечёт нас к Солнцу.

Гусев полез к верхнему глазку, Лось стал к реостатам. Удары в обшивку яйца участились, усилились. Гусев покрикивал сверху:

— Легче, глыба справа... Давайте полный... Гора, гора летит... Проехали... Ходу, ходу, Мстислав Сергеевич!»

Как вы думаете, а на самом деле сумел бы Лось, так вот управляя ракетой в космическом пространстве, «на глазок», попасть на Марс?

Возьмём пример из жизни. Межпланетная станция «Венера» летит

к Венере — нашей жаркой соседке по Солнечной системе. И учёные выясняют, что ракета-носитель вывела бы её на траекторию не совсем точно, станция промахнётся, пройдёт мимо цели.

Катастрофа! Планетологи рвут на себе волосы! Спокойно. Выход есть: надо проделать коррекцию траектории, то есть «подправить» её, на миг включив двигатель станции.

— Ура, — говорят планетологи. — Давайте так и поступим!

— Сейчас, — отвечают баллистики — специалисты по траекториям. — Вот только подсчитаем, на сколько секунд надо включить двигатель и куда надо направить реактивную струю. Разложим счёты, логарифмические линейки, арифмометры и прикинем...

И они считают... год!

Примерно столько надо работать целой армии вычислителей, чтобы вручную подсчитать параметры коррекции и «попасть» на Вене-

ру. Станция тем временем давно уже пролетела бы мимо цели и утонула бы в глубинах Вселенной... И инженер Лось тоже никогда не попал бы на Марс. Для этого мало одних ракетных двигателей — их мощью надо ещё уметь очень быстро и точно управлять.

А что такое управление?

Вот, скажем, водитель автомобиля. Он видит дорогу, воспринимает информацию о ней. Потом эту информацию в своём мозгу перерабатывает и принимает решения — поворачивает руль, жмёт на педаль газа.

Управлять — это и значит собирать и обрабатывать информацию. Суть третьей технической революции в том, что человек изобрёл необыкновенный инструмент для управления, совершенный прибор для быстрой переработки массы информации. Человек изобрёл компьютер. Или, как его называют ещё, — электронно-вычислительную машину, ЭВМ.

ОТ БРОНТОЗАВРОВ — К «МАЛЫШАМ»

Если бы кто-нибудь лет тридцать назад осмелился сказать, что ЭВМ будет свободно помещаться в кармане, такого фантазёра подняли бы на смех.

Одна из первых американских электронно-вычислительных машин, «Эниак», весила тридцать тонн и занимала зал площадью пятьдесят квадратных метров. В ней было восемнадцать тысяч раскалённых электронных ламп, и каждые пять минут одна из них сгорала — приходилось менять. Предназначался «Эниак» только для счёта, но делал он это по тем временам умопомрачительно быстро — несколько сот арифметических операций в секунду.

Но давайте сравним. Скажем, для управления народным хозяйством надо провести в год 10 000 000 000 000 000 вычислительных операций — 10 квадрильонов!

Для такого «бронтозавра», как «Эниак», задача явно не по силам — ему пришлось бы трудиться миллионы лет...

И машины стали учиться считать быстрее. И, само собой, стали меняться.

Сначала «вымерли» машины ламповые — преодолеть их тихоходность и ненадёжность оказалось невозможным.

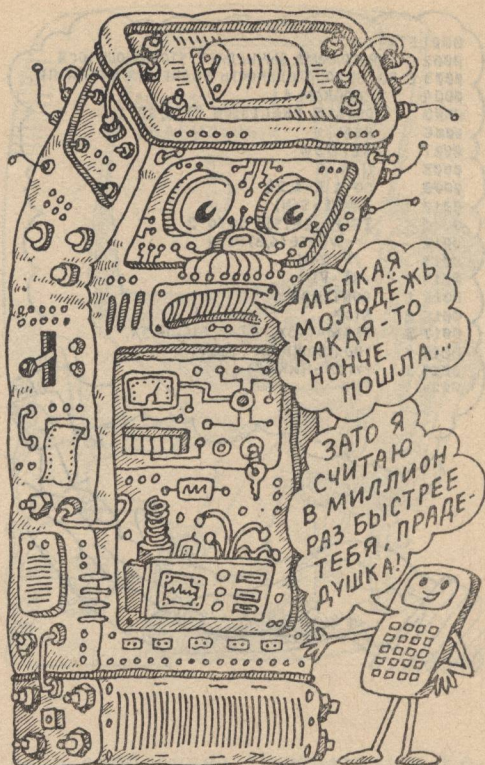
На смену пришло второе поколение — транзисторное. Эти компьютеры проделывали уже десятки, сотни тысяч операций в секунду. Они сжались в размерах, стали умещаться в нескольких шкафчиках.

Но инженеры сделали следующий шаг. Они сумели с помощью сложнейшей техники «нарисовать» целую электронную схему на крохотном полупроводниковом кристаллике. Одна деталька размером с ноготь стала выполнять работу целого ящика транзисторов. Компьютеры, составленные из таких «больших интегральных схем», как их называют, научились проделывать в секунду уже миллионы операций! А некоторые из машин стали помещаться на письменном столе учёного или инженера. Это было третье поколение ЭВМ.

Но тут на пути компьютеров появилось препятствие. Нужны компьютеры всем, а «разговаривать» с ними могут лишь немногие: у машин свой язык, сложный и непонятный. Получалось: чтобы решить задачу, требующую от ЭВМ пяти(!) минут работы, надо было полгода(!) составлять программу и с помощью «переводчиков», программистов, переводить с языка человеческого на машинный. Вот тебе и быстрое действие!

А нельзя ли сделать так, чтобы машина сама понимала человека? И такие компьютеры появились — это было четвёртое их поколение.

Я видел, как работают с компьютерами в Государственном оптическом институте имени С. А. Вавилова.

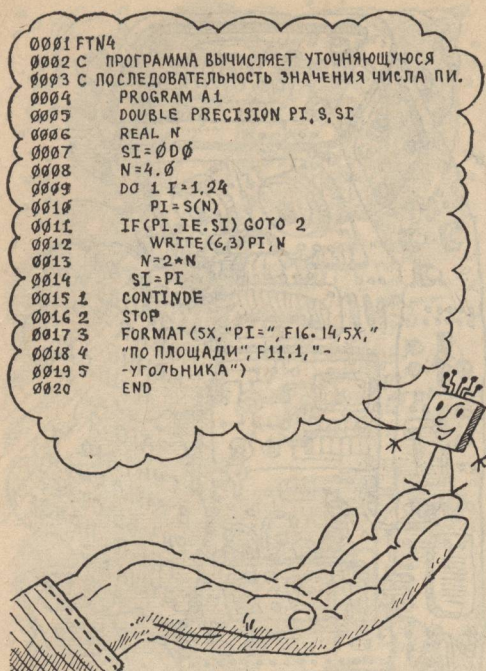

Инженер садится за дисплей — особый телевизор с клавиатурой, — и на экране вспыхивает зеленоватая строчка букв: «Здравствуйте. К работе готова, жду задания».

Нажимая клавиши, как на обыкновенной пишущей машинке, инженер вводит в ЭВМ данные объекта, который он проектирует. На экране тут же появляется чертёж прибора. И сразу же машина сообщает, как такой объектив будет работать. Но инженер недоволен — параметры явно «не те». А если попробовать усилить вот эту линзу? Он сообщает ЭВМ новые данные, и она тут же выдаёт ответ. Идёт быстрый диалог человека и машины...

Четвёртое поколение компьютеров — это как раз те ЭВМ, которые рассчитывают сегодня трассы космических кораблей и управляют заводами, помогают учёным и конструкторам. Но неужели все они превратились в «малышей» и умещаются на письменном столе?

Оказывается, дело обстоит куда интереснее.

ЧЕРЕЗ ИГОЛЬНОЕ УШКО

Помните, сколько электронных ламп было в гиганте «Эниаке»?

Восемнадцать тысяч!

А теперь достаньте из ящика письменного стола обыкновенный микрокалькулятор. Знаете, сколько в нём транзисторов (или, как говорят инженеры, вентилях)?

Тоже восемнадцать тысяч.

Однако если осторожно открыть микрокалькулятор, внутри он окажется... почти пустым. Вот жгутики проводов, батарейки, электронное табло — дисплей. А где же устройство, которое складывает и перемножает цифры быстрее громадного «Эниака»? Да вот в уголке примостилась крохотная чёрная пластиночка на лапках-выводах. Жонглировать цифрами — её работа. Называется она — микропроцессор.

Даже поверить трудно, что вот это миниатюрное, незаметное устройство — одно из величайших изобретений века. А ведь этот компью-

тер — на ладони их поместится десяток — может не только считать в микрокалькуляторе. Он способен по заданной программе быстро и чётко управлять станком и роботом, вести автомобиль, командовать домашней техникой.

Дешёвые и надёжные микропроцессоры нашли себе место в новых легковых автомобилях знаменитого Волжского завода — здесь они будут автоматически выбирать режим работы двигателя, экономить бензин. Я видел удивительный прибор для проверки зрения — стоит заглянуть в его зелёное окошечко, и он тут же пишет рецепт на очки. В магазине продаётся стиральная машина «Вятка» — она по указанной хозяйкой программе сама стирает, полощет и выжимает бельё. И мечта мальчишек — электронная игра «Ну, погоди!» — построена на микропроцессоре. Мечется по крохотному экранчику волк, весело смеётся заяц — всё это «работа» электрических импульсов в чёрной пластиночке на лапках-выводах...

А в лабораториях мира идут поиски способа снова уменьшить размеры микропроцессоров и сделать их ещё дешевле. Тогда их можно будет встраивать куда угодно, и окружающие нас вещи приобретут новое качество — они станут «умными». Никогда не сожжёт одежду «осторожный» уют, человеческим голосом напомнят часы о том, что пора в школу, и телевизор сам включится в определённый час, чтобы показать хозяевам «Клуб путешественников».

Так что же — и вычислительную машину можно будет продеть через игольное ушко?

Можно. Только вряд ли нужно.

В нашей жизни для разных целей нужны разные машины. Давайте с ними познакомимся.

Вот «большие» ЭВМ. Они — для самых сложных расчётов. Самый совершенный в мире советский суперкомпьютер «Эльбрус» выполняет свыше миллиарда операций в секунду! Но и размеры у «Эльбруса» немалые — небольшой зал.

Затем идут мини-ЭВМ — шкафчики, набитые электроникой. Их можно встретить на предприятиях, в лабораториях, учреждениях. Они умеют считать, чертить, иногда даже говорить.

На столе учёного и инженера умещается персональный компьютер, относящийся уже к классу микро-ЭВМ. Это и всезнающий электронный справочник, и универсальное счётное устройство — словом, настоящая «приставка к мозгу», во много раз повышающая его возможности.

Завершают этот ряд знакомые нам микропроцессоры — «чернорабочие электроники».

А вдруг персональный компьютер не смог справиться с задачей, которую предложил ему инженер? Как тогда быть?

Для этого машины объединяют — связывают проводами. И компьютер поменьше, послабее вполне может обратиться за помощью к своему старшему собрату.

Интересно, что и говорить... Но можно подумать, что всё это — во «взрослом» мире, а от ребят далеко.

В том-то и дело, что это совершенно не так.

«ЛЮДИ, ЗА ПАРТЫ!»

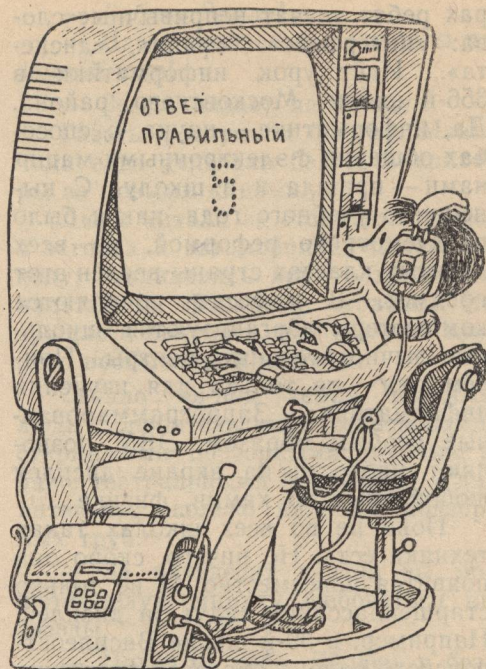
В ленинградском ПТУ-83 я видел учебный цех... без людей — детали для радиоприёмников делают одни роботы. Ловко двигаются металлические руки с отвёртками и паяльниками, деловито развозят заготовки и готовые детали крохотные транспортёры. А управляют всем этим хозяйством компьютеры — большие и маленькие.

А вот если робот испортится, кто его ремонтирует?

Рабочие-наладчики. Именно их и готовят в этом ПТУ. И само собой, такой рабочий должен назубок знать и устройство компьютера, и, конечно, уметь им пользоваться.

Да только ли он один?

Электроника всё тесней обступает нас. Разработанная в Ленингра-

де и одобренная Центральным Комитетом КПСС программа «Интенсификация-90» указывает, что спустя всего пятилетку у нас появятся новые тысячи роботов, целые цехи и заводы, насыщенные автоматами. А в магазине-салоне «Электроника» на проспекте Гагарина уже рекламируется первый советский бытовой, то есть домашний, компьютер. Получается, что всем нам надо учиться «говорить» с ЭВМ!

Учиться? Всем? Да что мы — неграмотные, что ли?

«Необходимо ликвидировать компьютерную неграмотность» — именно так выразился крупный советский учёный, академик А. П. Ершов. Ведь на пороге третьего тысячелетия умение общаться с компьютером будет столь же необходимо человеку, как умение читать и писать.

Кто же возьмётся за ликвидацию этой «неграмотности»?

...Этот класс — словно из фантастического фильма. На столах — переливающиеся всеми цветами радуги экраны персональных компьютеров «Агат». В негромких разгово-

рах ребят звучат непривычные слова: «интерфейс», «файл», «дискета»... Идёт урок информатики в 356-й школе Московского района. Да, информатика — наука о способах общения с электронными машинами — пришла и в школу. С нынешнего учебного года, как и было предусмотрено реформой, во всех девятых классах страны введён этот предмет. В классах появляются компьютеры. Организуются школьные вычислительные центры. Причём они — не только для изучения информатики. Запрограммированные особым образом, ЭВМ позволяют провести на экране дисплея любой опыт по химии, физике...

Пока не во всех школах такая техника есть. Но ничего, скоро она появится повсеместно. И не только старшеклассники сядут за дисплей. Например, в 30-й школе Василеостровского района программированию

учат даже малышей второклассников, и ничего — справляются! А школа юного программиста при Ленинградском институте авиаприборостроения планирует организовать летом компьютерный пионерский лагерь — тут можно будет и машины изучать, и в походы ходить, и купаться...

...Новый, удивительный и сложный мир компьютеров ожидает нас. Но ошибается тот, кто думает, что человеку в нём останется лишь нажимать кнопки. Прежде всего надо хорошо знать, какую кнопку нужно будет нажать и зачем. А для этого придётся много учиться.

Мы начали с разговора о третьей технической революции. Люди свершили её, а теперь она помогает нам стать сильнее. Но она и командует нами властно. Слышите? Она говорит:

— Люди, за парты!

Рис. Г. Светозарова

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ВСЕГДА В ПУТИ

Задаёт уроки жизнь

Молодым и старым.

«Век живи

Да век учись!» —

Говорят недаром.

В сказках, песнях — ум и лад,

В них народа опыт.

Он для вас,

Для всех ребят,

Прадедами добыт.

И своим к тому ж умом

Вы обзаведётесь,

Но без шишек вы притом

Вряд ли обойдётесь.

Из-за шишки, синяка

Не бежать же к маме!..

Учит море моряка

Грозными штормами.

Ничего и никому

Не даётся просто,

Труд научит мастерству,

Трудности — упорству.

Дружбе учит вас отряд,

Знания дарит школа.

Прям ваш путь —

От октября

И до комсомола.

Устремлённая вперёд —

К миру, к созиданью, —

Учит партия народ

Смелости, дерзанию.

Скоро вам, учась, идти

К далям пятилеток.

Я желаю вам в пути

Доблестных отметок!

Рис. О. Вороновой

СЕНСАЦИЯ

Деловой день заканчивался. Небоскрёбы пустели, темнели, умирали. Зато нижние этажи домов ещё ослепительней засверкали огромными витринами и световыми рекламами. Оживали кино, бары, рестораны... Их разноцветные огни бесновались, прыгали, змеились, кувыркались, подмигивали, гонялись друг за другом, собирались и рассыпались...

По улицам тёмной лавиной шли автомобили, по тротуарам — сплошные потоки людей. Грохотала подземная железная дорога, гудели автомобили, рычажи, завывали и дребезжали радиорекламы, гремели джазы ресторанов и кино, рокотала многоголосая толпа.

И вот в этот час наивысшего уличного движения из дверей многочисленных редакций газет с шумом, гамом и гиканьем вылетели стайки мальчишек. Они размахивали свежими газетными листами, а их звонкие голоса звучали так пронзительно, что заглушали шум толпы.

— Небесный гость! — кричали газетчики.

— Гибель Земли!

— Наезд неизвестной планеты на земной шар!

— Земля падает на звезду!

Газеты раскупали быстро. Мальчики едва успевали бегать в конторы за новыми кипами.

Люди читали за столиками кафе, в вагонах и автомобилях, читали на ходу, сталкиваясь друг с другом и налетая на фонарные столбы... Не прошло и получаса, как все уже знали о необычайной новости.

Словно из-под земли выросли люди с любительскими телескопами, старинными подзорными трубами и даже театральными биноклями. Удивительно, сколько нашлось подзорных труб.

— За пятьдесят центов вы можете целую минуту любоваться на звёзды.

— Полёт на небо. Дёшево и безопасно. Только двадцать центов.

— Кто хочет поглядеть на небесного гостя? Доллар за три минуты.

Но зрители напрасно напрягали зрение: видеть небо мешали огни города, а там, где небо было видно, все звёзды казались одинаковыми. Ни страшного «чужеземного солнца», ни наводящей ужас косматой кометы нигде не было видно. Небо было, как всегда, — спокойное и молчаливое.

Однако умы были уже взбудоражены. Люди, давно забывшие о существовании неба, вдруг вспомнили о нём. Оказалось, что небоскрёбы, биржи, акции, люди, сейфы, кино и всё прочее летит вместе с Землёй в бесконечных небесных просторах и судьба Земли может зависеть от того, что творится в небе.

Люди уже не смеялись. Бульварные газеты, конечно, привирали, как всегда, мальчишки-газетчики — ещё больше. Но то, что какое-то небесное тело летит навстречу Земле, было, по-видимому, фактом.

Подробностей никто не знал, и неизвестно было, чем всё это кончится.

В мир вошла тревога.

ПРОПАВШАЯ ЕЛЕНА

— В вычислении ошибки быть не могло. Я проверял дважды. Архимед — трижды. Елена погибла. С нею произошла какая-нибудь катастрофа. — Иван Иванович говорил, словно в бреду, и смотрел на жену невидящими глазами.

Иван Иванович Тюменев, шестидесятилетний, но ещё бодрый старик, и его, тоже уже немолодая, жена Елена Гавриловна сидели на широкой веранде. Далеко внизу, под обрывом, сверкала речка, по ту сторону речки поднимались поросшие хвойным лесом горные хребты. Солнце заходило.

— Пора!

Иван Иванович поднялся, сошёл с веранды и зашагал по горной лесной дорожке к лесистому холму, на склоне которого виднелась круглая «башня С. П. Глазенапа» — старейшая абастуманская обсерватория.

Когда Тюменев подошёл к башне, уже совсем стемнело. Он поднялся по ступенькам и открыл дверь. Внутри башни было темно и прохладно. В щели, на фоне звёздного неба, выделялась труба большого телескопа, направленного вверх, как ствол зенитного орудия.

Было тихо. Только привычное ухо улавливало тиканье часовых механизмов да из прилегающей к башне лаборатории доносилось пение Александра Павловича Турцева, племянника Тюменева, которого в семье за его замечательные математические способности называли Архимедом.

Иван Иванович подошёл к телескопу, приготовляясь к работе, уселся на кресло. Телескоп уже несколько дней был направлен в одну точку неба — возле звезды Гамма Большой Медведицы.

— Архимед! — крикнул Тюменев, и в куполе гулко отдалось это «...мед».

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

С особой радостью сообщаем мы нашим читателям, что с январского номера начинаем публиковать фантастическую повесть «Небесный гость», написанную выдающимся советским писателем-фантастом Александром Романовичем Беляевым. Рукопись повести любезно предоставила нам дочь писателя — Светлана Александровна Беляева. Сегодня она гость «Искорки».

— Светлана Александровна, расскажите, пожалуйста, каким вы запомнили отца.

— Когда умер мой отец, я была ещё совсем девочкой, но помню его хорошо.

У отца был туберкулёз позвоночника, и он, с небольшими перерывами, пролежал в гипсе несколько лет. Но, несмотря на тяжёлую болезнь, он продолжал работать и даже содержал всю семью.

Работал отец только по утрам, а вечера принадлежали мне. Занятия у нас были разные. Иногда мы рисовали, иногда лепили из пластилина. Но чаще всего отец что-нибудь читал мне вслух.

А то начнёт рассказывать сказки своего сочинения. Особенно нравились мне приключения солдата, которого он называл Солдат Яшка Медная Пряжка, и про Бабу-Ягу, которая от старости разучилась колдовать и у неё всё получалось наоборот. Смешная была сказка и удивительная. Чтобы её не забыть, я её записала, и, быть может, дети когда-нибудь её прочтут.

Вспоминая отца, я удивляюсь его душевной энергии, интересу ко всему окружающему, живости ума и фантазии, которые он сохранил вопреки болезни.

— А как Александр Романович работал? Как писал?

— В детстве я не задумывалась над тем, как отец пишет. И, только став взрослой, поняла и оценила его труд.

Пение в лаборатории прекратилось, и послышалось протяжное:

— Да-а?

— Снимок удался?

— Отлично, — донёсся ответ.

— И?..

— Не нахожу, — сказал племянник и снова замурлыкал песню.

— Ищи хорошенько! — крикнул Тюменев и, припав к окуляру, сразу оторвался от Земли и перенёсся за десятки триллионов километров в знакомый мир звёзд.

И вдруг Тюменеву показалось, что он увидел сверкающую пылинку-звёздочку, не отмеченную на звёздной карте... Или это в глазах двоится?..

— Доброй ночи, Иван Иванович! — услышал Тюменев голос молодого астронома Аркусова. — Ну что, не нашли?

Кивнув головой, Тюменев промолчал. Он не любил, когда мешают.

— Давно нашли бы, если б по-

слушались моего совета. Дайте объяснение: «Пропала комета Елена. Нашедшему будет выдано вознаграждение. В последний раз видна была на небе три года назад, 14 июля. Была открыта шесть лет тому назад заслуженным деятелем науки профессором Тюменевым».

«Пустомеля! — подумал Тюменев, но, сдержав себя, продолжал наблюдения: — Нет, в глазах у меня не двоится. Это новое небесное светило. Неужели Елена?..»

— А вот и Елена!.. — продолжал Аркусов, как будто подслушав мысли Тюменева, и после паузы добавил: — Гавриловна. Доброй ночи, Елена Гавриловна!

«Ну вот, теперь жена пришла мешать», — разозлился Тюменев. Он хотел резко сказать, чтобы его оставили в покое. Но вместо этого вдруг закричал: «Архимед! Архимед!..» — да так неожиданно громко, что Елена Гавриловна уронила термос, ко-

Отец выписывал много периодической литературы: технические и научно-популярные журналы, газеты. Его постель всегда была обложена различными справочниками, словарями, энциклопедиями. Он всегда был в курсе всех новинок как техники, так и медицины, астрономии, химии...

Писал отец очень много. В голове у него всегда было столько идей, что если бы он мог, как герой его рассказов доктор Вагнер, не спать, он бы, наверное, писал и по ночам. Творческих мук, по всей вероятности, он не испытывал и к тем, кто вымучивал каждую строчку, относился с сожалением и юмором.

Черновики отец писал лёжа, поставив себе на грудь фанерку. Но иногда обходился и без черновиков. Обдумав произведение детально, он диктовал его маме, которая сидела здесь же, за пишущей машинкой.

— Любители научной фантастики всегда будут вам благодарны за то, что вы, уже после выхода в свет собрания сочинений Александра Беляева, отыскали его повесть «Небесный гость». Как выяснилось, она была в 30-е годы напечатана на страницах пионерской газеты «Ленинские искры». Что вы думаете об этом произведении?

— «Небесный гость» был написан отцом в период бурного развития авиации. О полётах Чкалова и Водопьянова говорила буквально вся страна. А о космосе учёные и писатели могли тогда только мечтать. С Константином Эдуардовичем Циолковским отец был знаком заочно. С ним он переписывался, у него консультировался по поводу космической техники, невесомости, гравитации...

Теперь, когда человек в буквальном смысле шагнул в космос, это произведение отца кажется несколько наивным. Но это и понятно, ведь действительность бывает всегда более впечатляющей! Но в те годы мысль о полёте в космос была только фантазией, причём настолько далёкой, что верили в неё далеко не все.

Мы рады напечатать фантастическую повесть А. Беляева о космическом полёте именно в этом, 1986 году, когда всё человечество будет отмечать 25-летие первого полёта человека в космос. Ведь полёт Юрия Гагарина подготовили не только учёные, инженеры, рабочие, но и фантасты, Мечтатели, одним из которых был и Александр Романович Беляев.

торый со звоном покатился по каменному полу.

И в этот же самый момент слышался голос Архимеда:

— Нашёл! Нашёл!

Тюменев сорвался с кресла и, едва не сбив с ног Аркусова, бросился к племяннику, и они закричали вместе:

— Нашёл!

— Нашёл!

Аркусов повернул выключатель, ярко осветил обсерваторию. Тюменев выхватил из рук Архимеда снимок, посмотрел на свет.

— Вот здесь, видите? — указал ногтём Архимед.

— Ну да, ну да! — радостно воскликнул Тюменев, возвращая негатив. — Вот именно! Ты на пластинке, а я раньше тебя прямо на небе...

— Простите, дядюшка, я раньше...

Но Тюменев не слушал возражений Архимеда. Он с юношеской живостью бегал по обсерватории, потирал руки и восклицал:

— Отлично! Великолечно! Елена нашлась! Вернулась, хотя и с опозданием. Интересно будет узнать, где она пропадала?

Но радость его была преждевременна.

СТРАННАЯ НАХОДКА

— Архимед!

— Да-а?

— Поди сюда.

Тюменев откинулся на спинку

кресла в ожидании племянника. Шаги Архимеда отдавались в обсерватории гулко.

— К вашим услугам, дядюшка.

— Закончил вычисления?

— Да.

— И выводы? — спросил Тюменев.

Архимед развёл руками.

— Комета Елена движется гораздо быстрее, чем двигалась в прошлое своё появление.

— Да, всё это очень странно, — сказал Тюменев. — Яркость Елены увеличивается с невероятной быстротой. Она движется со скоростью, которая противоречит всему, что нам известно в этой области. Загадочен тот факт, что до сих пор мы не могли обнаружить ни малейшего признака хвоста, хотя он уже должен быть виден. Только спектральный анализ покажет, имеем ли мы дело с Еленой или же с каким-то другим небесным телом.

— Но мы обнаружили её...

— В том месте, где ожидалось появление Елены? Это могло быть простой случайностью. А вот и Аркусов. Идите сюда скорее. Что показал спектральный анализ?

— Я ещё никогда не видел такого сложного спектра. Нечто изумительное! — ответил Аркусов.

— Но ведь спектр Елены не отличался сложностью.

— Этот спектр совершенно не похож на спектр кометы Елены!

— Вот видишь, — обратился Тюменев к Архимеду. — Моя догадка оправдывается, и мне остаётся уте-

шаться только тем, что, потеряв Елену, я открыл новую звезду.

— Простите, дядюшка, я открыл её раньше вас, — возразил Архимед.

— О чём спорить? Назовите её звездой Абастумани, и кончено, — предложил Аркусов.

Тюменев улыбнулся:

— Так мы и сделаем. А пока продолжайте наблюдать звезду.

Прошло ещё некоторое время, и звезда преподнесла новую неожиданность: её голубой с зеленоватым оттенком цвет начал меняться на красный. В небе есть молодые звёзды — голубые гиганты и звёзды старцы — красные карлики. Но ведь открытая звезда только что имела голубой цвет и не могла состариться на глазах. И не могла она также с такой фантастической скоростью удаляться от Земли, чтобы её цвет от голубого перешёл к красному.

Тюменев сам занялся спектральным анализом звезды и вскоре нашёл, что тёмные линии её спектра были... двойные. Разгадка найдена: два солнца вращались вокруг центра тяжести целой системы: одно — голубое, другое — красное. В момент появления двойная звезда была обращена к Земле своим Голубым солнцем, а затем — Красным. Дальнейшие исследования показали, что звезда продолжает лететь к нашей Солнечной системе с небывалой в летописях астрономии скоростью.

Теперь, когда звезда Абастумани была видна в телескоп уже настолько отчётливо, что её могли заметить другие астрономы, Тюменев решил, что настало время оповестить о по-

вой звезде весь мир. Он составил и сам отправил телеграммы в обсерватории, в университеты, в редакции газет.

Вот так весь мир и узнал о приближении к Земле необычайного небесного гостя.

РАЗГОВОР НА ВЕРАНДЕ

Елена Гавриловна радовалась тому, что история с потерянной Еленой окончилась удачно. Хотя Иван Иванович по-прежнему проводил в обсерватории ночи напролёт, он посвежел, стал хорошо спать и есть. Однако вскоре Елена Гавриловна начала замечать, что Иван Иванович опять стал рассеянным и задумчивым.

Прошло ещё несколько дней. Вновь они сидели на веранде, и солнце шло к закату.

— У нас в небе совершаются большие события, — начал Иван Иванович, глядя сощуренными глазами на заходящее солнце. — Мы усиленно изучаем звезду. Я наблюдаю её в телескоп, Аркусов фотографирует, Архимед без конца вычисляет. Мы опередили иностранных астрономов: нам о звезде известно то, о чём никто в мире ещё не знает.

— Что же вы узнали?

— Открытая нами звезда — двойная. Представь себе, на небе не одно, а два солнца, причём большее солнце имеет одну планету, а меньшее — две, и только одна из них имеет спутников — две луны.

— Из-за этого не стоит расстра-

иваться. Не всем же планетам иметь по две луны...

— Мы много узнали о звезде,— продолжал Тюменев, не слушая жёну,— и всё же она представляет собою загадку. Она движется с совершенно немыслимой, небывалой скоростью. Архимед ещё не закончил своих вычислений, но нам уже теперь очевидно, что двойная звезда пройдёт очень близко от нашей Солнечной системы.

— Ты думаешь, что звезда может столкнуться с Землёй?

— Столкнуться? Нет. Но пройдя довольно близко, она, вероятно, причинит нам довольно много беспокойств.

— Это опасно?

Тюменев пожал плечами:

— Всё будет зависеть от того, на каком расстоянии пройдёт от Земли звезда Абастумани.

Солнце спускалось за гору. Ивану Ивановичу пора было идти в обсерваторию, а он всё сидел на веранде в плетёном кресле и глядел на прекрасные краски заката. И когда они погасли, начал говорить тихо и взволнованно:

— Не знаю, поймёшь ли ты меня, Елена... Я всю жизнь отдал науке. Никакая жертва не мала, если она приносится для расширения человеческих знаний...

Елена Гавриловна насторожилась.

— Нам, земным жителям,— продолжал он,— предстоит пережить исключительные события, быть свидетелями необычайных явлений... Такие события происходят один раз в миллион лет, и ты можешь понять, какой интерес и какую ценность для науки они представляют.

— Понимаю. Вблизи Солнечной системы пройдёт двойная звезда, и ты будешь её наблюдать,— сказала Елена Гавриловна.

— Вблизи! Но близость на астрономическом языке — это по меньшей мере сотни тысяч, а чаще — миллионы, сотни миллионов километров. Много ли увидишь с Земли?

Наступило короткое молчание. Было уже совсем темно, но Елена

Гавриловна не зажигала огня. Она со страхом смотрела на трепетный свет первых звёзд, теперь казавшихся ей зловещими, и спросила:

— Что же ты хочешь?

— Лететь на звезду Абастумани.

— Это ты... серьёзно, Иван Иванович?

— Совершенно серьёзно...

— На чём же ты полетишь? Ведь межпланетные ракеты ещё не изобретены.

— К сожалению, да. Но у меня есть план. Признаюсь, очень необычный. Я поручил Архимеду сделать ряд очень сложных вычислений и расчётов. Он ещё сам не знает, для чего их делает.

На дорожке захрустел песок, слышались шаги.

— Это ты, Архимед? — спросил Тюменев.

— Мы,— ответил Аркусов,— обеспокоены вашим опозданием. Пришли узнать о здоровье. Добрый вечер, Елена Гавриловна!

— Послушай, Архимед, и вы, Аркусов, послушайте,— в голосе Тюменева прозвучало необычайное волнение.— Друзья мои! Если бы я предложил вам отправиться со мной в очень опасную, очень рискованную, но крайне важную научную экспедицию, в которой сама ваша жизнь подверглась бы опасности, согласились бы вы?

— Разумеется,— быстро ответил Архимед.

— Всегда готов! — воскликнул Аркусов.

— Вот видишь,— повернулся Тюменев к Елене Гавриловне,— мне шестьдесят, а им и по тридцати нет, а ведь они согласились, не задумываясь.

Аркусов ловко перепрыгнул через перила, разыскал на веранде выключатель и зажёл свет. Лицо Елены Гавриловны выражало смущение, глаза Ивана Ивановича горели молодым задором.

— Да, я предлагаю вам не больше не меньше, как лететь со мной на звезду Абастумани! Вот именно!

При этих словах Аркусов стал серьёзным. А всегда спокойный Ар-

химед невольно передёрнул плечами:

— Лететь? Но на чём?

— Ты сам, Архимед, принимаешь участие в изобретении летательного аппарата,— загадочно ответил Тюменев.— Завтра я еду по этим делам в Ленинград.

На другой день Тюменев действительно уехал и отсутствовал более двух месяцев.

В МЫШЕЛОВКЕ

Всю ночь над обсерваторией бушевала буря. Купол дрожал, качался и, казалось, ежеминутно готов был сорваться. Плотность воздуха в атмосфере быстро менялась, и это мешало наблюдению. Тюменев сердился, бранил ветер, а звезде даже погрозил кулаком:

— Это всё твои штучки!

В телескоп уже отчётливо были видны два солнца звезды Абастумани, отделённые друг от друга тончайшей тёмной полоской небесного пространства. На самом деле ширина этой «полоски» равнялась сотням миллионов километров. В неё свободно вмещались орбиты планет и их спутников, связанных взаимным притяжением...

Потом небо побледнело, двойная звезда угасла — наступил рассвет. Пора было кончать наблюдения.

— Ну и ветер. С ног валит,— сказал Аркусов, входя в обсерваторию.

— И не то ещё будет,— ответил Тюменев, поднимаясь с кресла.— Наша звезда работает.

— Позвольте проводить вас до дому, Иван Иванович.

— Благодарю вас, не беспокойтесь. Сам дойду.

Тюменев подошёл к двери и попытался открыть её, но дверь не поддавалась.

— Что такое?

— Наверно, ветер не даёт открыть. Позвольте, я помогу.— Аркусов сильно нажал плечом. Дверь приоткрылась — но ветер засвистел, и тотчас же дверь опять плотно прихлопнулась.

— Попробуем вдвоём,— предло-

жил Тюменев.— Раз, два, три... Ой, ой!.. Плечо расшиб. С таким успехом мы могли бы нажимать на железобетонную стенку.

— Да, знаете ли...— отозвался Аркусов, также потирая ушибленное плечо.

— Занятно. В мышеловку попали. Пленники урагана.— Тюменев рассмеялся.— Вот так звезда. Какая силища!

— Придётся здесь отсиживаться, пока не утихнет ветер.

— Отсиживаться? Не согласен,— сказал Тюменев.— Елена Гавриловна, наверно, волнуется. Я иду, а вы как хотите.

— Но ведь мы дверь открыть не можем.

— И не нужно. Вот люк. Он ведёт в подвал, в машинное отделение. Из подвала дверь выходит на запад, а ветер дует с востока. Ту дверь мы, наверно, откроем. Идём.

...Здание прикрывало их от ветра, и они благополучно прошли несколько шагов вдоль стены круглой башни, но как только обогнули её, ветер со свистом ударил в грудь.

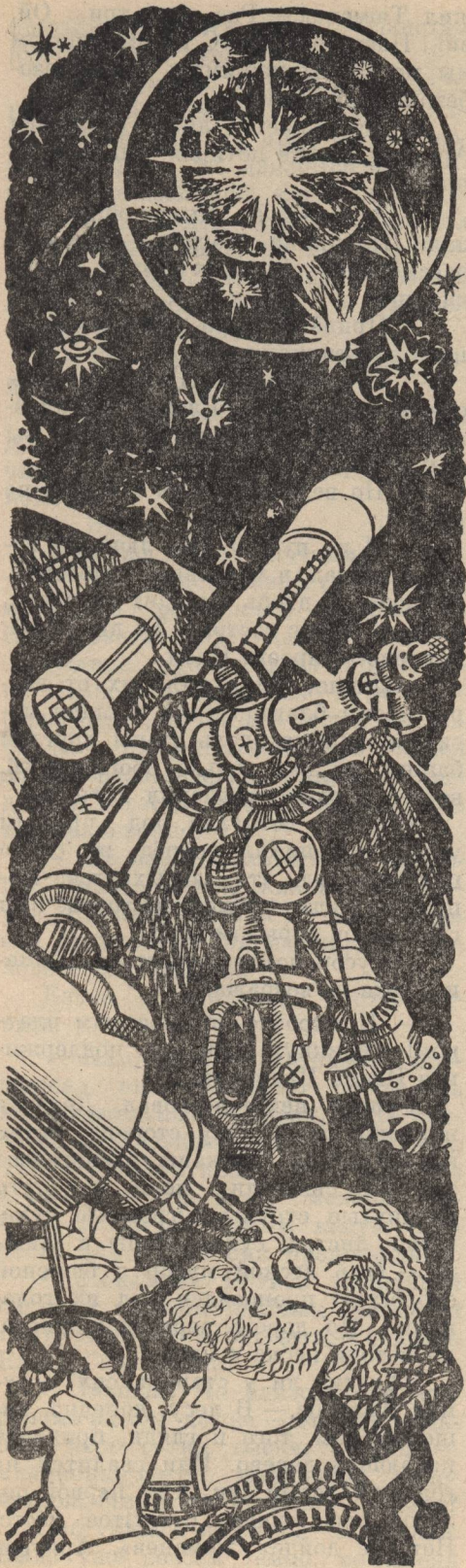
Тюменев согнулся под прямым углом и зашагал вперёд, но скоро почувствовал, что задыхается. Попробовал идти спиной, но тотчас был сбит с ног порывом ветра.

Аркусов помог подняться. Тюменев уже не возражал.

— Прикройте рот носовым платком!— крикнул Аркусов, поддерживая Ивана Ивановича.

Ураган неистовствовал. Деревья наклонились в одну сторону, ветви вытягивались, дрожали, разноголосно звенели, свистели, пели, как туго натянутые струны. Огромные суки, ветви, листья, сухие иглы и шишки — весь лесной мусор с бешеной скоростью проносился над их головами. По дороге вертелись, плясали потоки песка и пыли.

«Хватит ли у старика сил?— думал Аркусов.— В лесу, конечно, тише, но там, того и гляди, придавит падающее дерево. Или свалится на голову толстый сук. А за первой полосой леса снова открытое место. Нет, не дойдёт Тюменев». Аркусов

начинал опасаться не только за Тюменева, но и за самого себя.

— Иван Иванович, вернёмся! — крикнул Аркусов.

— Я... вас... не держу... — ответил неистовый старик и, скрючившись ещё больше, стал пробиваться вперёд.

Раз Тюменев шёл, мог ли вернуться Аркусов?! Цепляясь друг за друга, друг друга подталкивая и поддерживая, падая и с трудом поднимаясь, шаг за шагом продвигались они вперёд и наконец достигли полосы леса.

Здесь было тише, дышалось легче. Но дорожка была завалена буреломом, приходилось перелезать через поваленные деревья и груды мусора, делать обходы. Из-за обнажённых корней старой сосны, наполовину расщеплённой и обугленной давним ударом молнии, вытекал родник. Вода его, насыщенная газами, пузырилась и стекала вниз серебристым ручейком. Ещё вчера этого родника не было. «Наверно, нарзанный источник. Новый родник, рождённый звездой», — подумал Тюменев.

Вот и опушка леса. Пыль забивает глаза, ветер валит с ног, а до следующего перелеска не меньше сотни метров.

— Иван Иванович, придётся здесь переждать до вечера.

— Глупости, — возразил Тюменев. — Малодушные. Осталось совсем немного. Видите, уже крыша дома виднеется. Раз идти через открытую поляну трудно, то мы её переползём. Я впереди, а вы в кильватере.

И Тюменев действительно стал на четвереньки и пополз. «Недаром Елена Гавриловна называет его горячкой», — улыбался Аркусов и полз за Тюменевым «в кильватере».

«Нет, не возьму я его в экспедицию. Малодушен. Шляпа он, именно шляпа», — думал тем временем Тюменев, храбро пересекая поляну.

БЕСПОКОЙНЫЙ ДЕНЬ

Елене Гавриловне не спалось, одолевали тревожные мысли: Иван Иванович, её Ваня, собирается в эк-

спедицию, из которой, быть может, и не вернётся. Эта беспокойная звезда принесла одни заботы. Начались бури. Дом стоит в тихом месте, а и то весь дрожит. Елена Гавриловна с вечера все двери и окна плотно закрыла. Лес шумит, ветер гудит, не даёт уснуть... Только под утро она и задремада, и вдруг — трах! трах! трах!

Вскочила Елена Гавриловна и видит, что в доме творится что-то непонятное. Окна и двери сами собой пооткрывались. Вдруг подпрыгнула крышка сундука и тотчас захлопнулась. Дверцы буфета и шкапа раскрылись, словно их изнутри кто-нибудь толкнул. Стояла на шкапу круглая фанерная коробка для шляп, плотно прикрытая крышкой, — эта крышка подскочила до потолка, упала на пол и покатилась.

Елена Гавриловна испугалась, выбежала из спальни в столовую, а и там идёт пальба: с глухим шумом взорвались консервные банки, защёлкали пробки, вылетевшие из бутылок с лимонадом и ситро. Как хлопнула, хлопнула пергаментная бумага, которой обвязана была полупустая банка с вареньем.

Елена Гавриловна в растерянности металась из стороны в сторону. Она ждала, что и кресла, и диваны, и подушки, и перины начнут взрываться и лопаться. Было на то похоже. Но выстрелы и взрывы прекратились так же внезапно, как начались. В доме стало тихо. Только шумел, свистел, завывал ветер, пролетающий по вершинам сосен.

Светало. Елена Гавриловна стояла посредине столовой, вздохнула, немного успокоилась и пошла умываться и одеваться — больше уж не уснуть. Поставила кофейник с водой на электрическую плиту. И не успела обвязать банку с вареньем новой бумажкой, как кофейник бурно закипел.

«Так быстро! Что с ним такое?» Она попробовала кофейник рукой, — он был чуть тёплым, а вода была ключом.

Елена Гавриловна грузно опустилась на табуретку. Голова закружи-

лась. Ей показалось, что она сходит с ума. И тут с шумом открылась кухонная дверь и на пороге появились Тюменев и Аркусов.

— Иван Иванович, я едва со страху не умерла. Иван Ива... — и не договорила. Её поразил внешний вид Тюменева и Аркусова. — Что это с вами приключилось? Откуда вы? Грязные, оборванные, избитые. Разбойники напали, что ли?

— Звезда, — ответил Аркусов из-за спины Тюменева.

— Пустяки. Всё в порядке, — бодрился Тюменев. — Буря, ветер. Помогите нам немножечко привести себя в порядок. Писем не было?

В последнее время Тюменев получал много писем.

— Почта не пришла. Наверно, буря задержала, — ответила Елена Гавриловна и рассказала о необычайных происшествиях утра.

Иван Иванович слушал, кивал головой, улыбался. Затем быстро прошёл в кабинет, принёс оттуда барограф:

— Вот видишь, в четверть пятого утра давление внезапно упало почти до четырёхсот миллиметров. В этом весь секрет утренних чудес в решетке. Вот почему банки стреляли и шкапы, сундуки открывались — внутреннее давление в банках и ящиках сразу оказалось намного выше внешнего. По этой причине и новые источники в горах появились.

— А почему атмосферное давление так резко понижается?

— Звезда своим притяжением вызывает приливные действия и в земных океанах и в атмосфере. Два раза в сутки теперь мы испытываем повышенное давление и два раза пониженное — по мере вращения земного шара.

— Да, да. Я это чувствую, — согласилась Елена Гавриловна. — С утра тело начинает тяжелесть, к полудню чувствуешь страшную тяжесть. А к вечеру тяжесть спадает, к полуночи же во всём теле такая лёгкость, что, кажется, взяла бы и полетела. Неужели всё это от перемены давления?

— Нет, тут уж сказывается не-

посредственное влияние силы притяжения звезды, — сказал Тюменев. — Такой «болезнью» теперь мы все больны.

— Говорит Москва... — услышался голос из радиоприёмника. Передавались утренние известия. — В Экваториальной Африке произошёл трагический случай: английский лётчик, воспользовавшись необычайно высоким давлением, поднялся на аэроплане на высоту в несколько десятков километров. Но не успел он похвалиться своим рекордом, как сообщил по радио: «Притяжением звезды оторван от Земли. Не помогает мощность трёх тысячесильных моторов. С возрастающей скоростью неудержимо падаю в небо. Задыха...» — На этом сообщение прервалось.

— Упасть в небо — это как раз то, что надо. Но и в небо надо уметь падать. Плохо вычисляют и за это платятся головой, бедняги, — сказал Тюменев.

Елена Гавриловна всполошилась.

— Этого ещё не доставало, чтобы люди с земли в небо падали.

— А вы не выходите из дома, Елена Гавриловна, — сказал Аркусов. — Когда звезда начнёт очень сильно притягивать, придётся переселиться на потолок и ходить вверх ногами. Только и всего.

— Вы, Аркусов, смеётесь надо мной. А я так напугана!

— Простите, Елена Гавриловна. У нас до этого дело не дойдёт, но на экваторе в продолжение некоторого времени будет происходить нечто подобное. Это когда звезда пройдёт в ближайшем расстоянии от Земли и оторвёт часть земной атмосферы...

— Менее трети атмосферы и несколько тысяч кубических километров океанской воды, — прибавил Тюменев.

Через веранду вошёл Архимед. Его одежда была в полном порядке. В руках он держал портфель.

— Ну, и что же? Закончил?

— Закончил, дядюшка.

— И что же? Говори скорее!

— А вы меня, может быть, рань-

ше кофе угостите? Со вчерашнего вечера, как говорится, маковой росинки во рту не было.

— Да ты хоть кратенько скажи,— воскликнул Тюменев с видом такого крайнего нетерпения, что Архимед сжалился.

— Планета Бета Малого солнца.

— Изумительно! — воскликнул Тюменев.— Совершенно совпадает с э... вот именно... Нет, эта голова кое-чего стоит! — хлопнул он себя по лбу.— И эта голова тоже кое-чего стоит.— Он легонько хлопнул племянника по темени.

— Чего дерётеся?

— Молодец. Спасибо, Архимед. Пей теперь кофе, сколько твоей душе угодно.

ЗВЕЗДА РАБОТАЕТ

— Вот и почтальон! — Загорелый черноволосый мужчина в запылённом парусиновом костюме принёс пачку газет и писем.

— Посмотрим, что натворила звезда за последние сутки.— И Иван Иванович углубился в чтение.

Страницы газеты были полны сообщениями о проделках звезды.

...Итальянский лётчик, пытавшийся поставить мировой рекорд высоты, был застигнут низким давлением. На высоте двух с половиной тысяч метров мотор отказался работать, а лётчик начал задыхаться...

...Зато лётчику-французу во время барометрического максимума удалось подняться на двадцать километров без кислородного прибора...

...Приливы разрушили в Голландии плотины. Это явилось настоящим народным бедствием и привело к многочисленным человеческим жертвам...

...Французский пароход «Марсель» после прилива оказался лежащим на вершине холма одного из Маркизовых островов. Многие пароходы были отнесены приливной волной за десятки километров от берега моря и оказались на мели среди густого леса или на улицах города, давно оставленного жителями...

...Американский богач Ринг Кингсбери устроил себе подземное убе-

жище на острове Патрика, далеко за Северным полярным кругом, и сделал себе запасы продовольствия и кислорода на десять лет.

...В шахтах Чили произошли взрывы рудничного газа. Погибли 320 шахтёров...

...В Боливии, Перу, Мексике забили мощные нефтяные и грязевые фонтаны...

...На Камчатке произошло извержение давно не действовавших вулканов...

Тюменев поднял от газет голову и увидел Архимеда и Аркусова.

Пропустив обоих в кабинет, Тюменев задержался у двери и осторожно, чтобы не щёлкнула, задвинул задвижку.

— От кого это вы запираетесь?

— От всех. Не люблю, когда мешают во время работы. Садитесь к столу. Докладывай, Архимед.

— Мы уже довольно точно знаем, так сказать, анатомию двойной звезды Абастумани,— начал Архимед, разворачивая на столе чертёж.— Вот центр — Большое, или Красное солнце. Вокруг него, вернее вокруг общего центра тяжести системы, обращается Малое Голубое солнце. Эти два солнца, составляя единую систему двойной звезды, являются вместе с тем самостоятельными центрами планетных систем. Вокруг Малого солнца обращаются две планеты: крайняя — Альфа и, ближе к солнцу, — Бета. Бета имеет две луны, остальные планеты лун не имеют. Мною вычислены периоды обращения Малого солнца вокруг Большого, каждой планеты вокруг своего солнца, лун — вокруг планеты Бета, а также сроки вращения солнц, планет и лун вокруг своей оси. Исчислены размеры, масса, определён химический состав солнц и атмосфер на различных планетах... Это плоды общей работы почти всех сотрудников нашей обсерватории,— продолжал Архимед.— На мою долю выпали только итоговые вычисления. Прекрасно справился со своей работой товарищ Аркусов, которому поручено было обработать данные по планете Бета Голубого солнца.

— Кстати, я до сих пор не знаю, почему вас так заинтересовала планета Бета?— спросил Аркусов.

— А вот сейчас узнаете,— ответил Тюменев.— Архимед, покажи теперь самое главное.

Архимед развернул второй чертёж. На нём в уменьшенном размере изображалась система двойной звезды, а в противоположном углу листа — земной шар с оторвавшейся от него точкой. Пунктирная линия соединяла эту точку с планетой Бета.

— Вот планета Бета,— обратился Тюменев к Аркусову.— Чертёж вам понятен? Не совсем? Так вот, звезда Абастумани, проходя на ближайшем расстоянии мимо нашей Солнечной системы, оторвёт от Земли часть атмосферы и океанской воды. Получившаяся «маленькая планетка» могла бы стать, к примеру, второй Луной земного шара. Она могла бы, не оставляя Земли совсем, пойти по сильно вытянутому эллипсу, как периодическая комета. Могла упасть на Юпитер или Плутон или же стать спутником одного из них. Могла пойти по гиперболе и исчезнуть навсегда в мировом пространстве. Всё зависит от сложных сил притяжения. «Водяную планетку» могло притянуть Красное или Голубое солнце звезды Абастумани. Наконец, наш «водяной пузырь» мог упасть на одну из планет или спутников планеты в системе двойной звезды. Но на какую именно? Я сделал очень упрощённые...

— Но чрезвычайно остроумные,— вставил Архимед.

— ...исчисления,— продолжал Тюменев.— И пришёл к выводу, что «водяная планетка», по-видимому, должна упасть на планету Бета.

— Поэтому вы и поручили мне заняться ею?— спросил Аркусов.

— Вот именно,— ответил Тюменев.— А Архимеду я поручил проверить мои грубые приблизительные расчёты уже основательным вычислением. И он справился с работой как нельзя лучше.

Тюменев посмотрел на племянника с любовью и гордостью.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

А задача была действительно необычайно сложна. Земля, «водяная планетка», Голубое и Красное солнца со своими планетами и их спутниками — всё движется, вращается, взаимно притягивает друг друга. Нужно было собрать в одну точку все эти сложные движения в пространстве и во времени, распутать паутину невидимых, взаимно проникающих сил притяжения. «Водяная планетка» должна была пролететь мировое пространство через невидимую сеть этой паутины, одновременно испытывая на себе влияние притяжений чуть не двух десятков тел. И Архимед начертил точную картину положения всех солнц, планет и их спутников в тот момент, когда судьба «водяной планетки» будет решена притяжением Беты.

— Да, наш «водяной пузырь» упадёт на планету Бету! — воскликнул Тюменев.

— Упадёт вместе с нами, если я верно угадал ваш план? — спросил Аркусов.

Тюменев опасливо оглянулся на дверь и ответил, понизив голос:

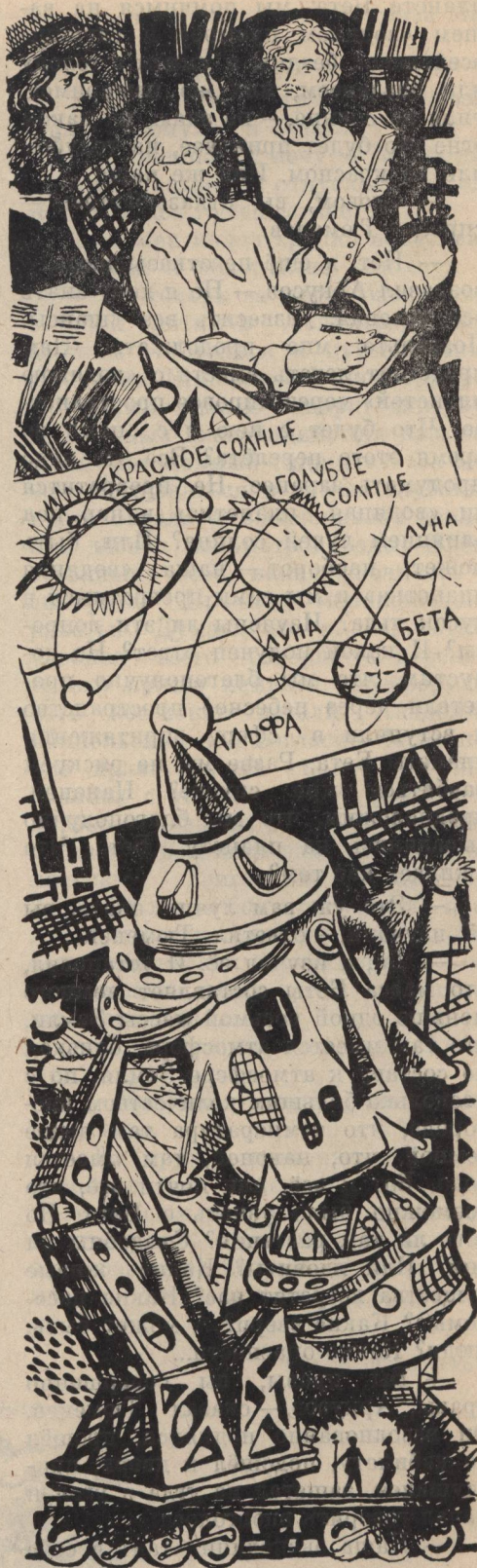
— Вот именно. Но будем говорить тише. Гм... гм... Елене Гавриловне вовсе не нужно знать всего.

— Напрасно беспокоитесь, Иван Иванович. Ветер так шумит, что мы сами себя едва слышим, — сказал Аркусов. — На чём же или в чём мы полетим? В водяной лодке?

— На велосипеде, — сердито ответил Тюменев. Он уже окончательно решил не брать Аркусова в экспедицию и отделаться от него при первой возможности.

Но Аркусов продолжал говорить:

— Моё мнение таково, что эта экспедиция не что иное, как собрание двадцати способов покончить с собой. Вот вы, Иван Иванович, перечисляли, что может произойти с «водяной планеткой», оторвавшейся от земного шара. И ведь каждый описанный вами случай грозит нам неизбежной гибелью. Малейшая ошибка в вычислениях Архимеда, и вместо того, чтобы направиться к

планете Бета, мы помчимся на нашем «водяном пузыре» в глубины вселенской бездны и умрём с голоду или оледенеем, или же изжаримся, упав на солнце, — не знаю, на каком огне это будет приятнее, на голубом или на красном. Или же наша...

— Словом, вы отказываетесь? — спросил Тюменев.

— Нет, я ещё не отказываюсь, — возразил Аркусов. — Но я хочу знать все условия, взвесить все шансы. Позвольте мне продолжать. Нам предстоит лететь вместе с «водяною планетой» через мировое пространство. Что будет с нею и с нами во время этого перелёта? Всё это надо продумать заранее. Не превратится ли «водяная планетка» в пар под влиянием лучей солнца? Или, быть может, наоборот — наша «водяная планетка» и мы сами превратимся в кусок льда? Изучены ли эти вопросы? И какой получен ответ? Но допустим, что мы благополучно пролетели через небесное пространство и вступили в сферу притяжения планеты Бета. Разве мы не рискуем разбиться при спуске? Наконец, предположим, что мы благополучно высадились на планету Бета. Что ожидает нас там?

— Это уж вам лучше знать, вы её изучали, — ответил Тюменев.

— Да, я изучал её. И установил, что масса Беты составляет немного меньше одной восьмой массы Земли, что там имеется атмосфера, близкая по составу к атмосфере Земли, но с несколько большим количеством кислорода, что температура там выше земной, что, наконец, там имеется вода. Вот и всё, или почти всё, что возможно было узнать о Бете. Но есть ли там растения? Съедобны ли они? Или ядовиты? Какие живые существа встретят нас? Какие насекомые? Какие звери? А может быть, люди? Какие опасности...

— Вы правы, вы совершенно правы, Аркусов, — сказал Тюменев. Он взволнованно поднялся, прошёл по кабинету, подошёл к двери, прислушался, зашатал из угла в угол и начал говорить вполголоса:

— Наша экспедиция таит в себе

не двадцать, а тысячу смертельных опасностей. И нужно не семь, а семьдесят семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Да, наша экспедиция очень рискованное предприятие, и всё же я не собираюсь прыгать в небо очертя голову. Я сам ещё раз проверю вычисления Архимеда. Если «водяная планетка» действительно упадёт на Бету, задача наполовину решена. Межпланетный полёт я считаю наименее опасным этапом путешествия. Как именно мы полетим, я об этом расскажу вам подробно, когда выяснятся некоторые обстоятельства, от которых зависит судьба всего путешествия. Что же касается спуска на Бету, то он, при наличии атмосферы, не так уж опасен, как кажется вам, Аркусов. Я считаю, что наша экспедиция не рискованнее первых экспедиций на полюс. Зато какие могут быть результаты! Я наметил обширную программу научных работ в мировом пространстве — изучение солнечной радиации, астрономические наблюдения, изучение космических лучей... Мы сделаем открытия величайшей важности! Мы обогатим науку! Наша новейшая радиостанция, ультракороткие волны которой пробивают все понижённые слои атмосферы, передаст наши сообщения из глубины небесного пространства. Таким образом, наша задача — научная цель экспедиции — будет выполнена. Человек на звезде! О такой возможности не мечтали даже фантасты. Вот этими самыми ногами мы будем ходить по траве новой планеты, сверкающей сейчас на нашем ночном небе в виде маленькой звёздочки. Вот этими самыми глазами, — и он прикоснулся к очкам, — мы увидим новые пейзажи, новые горы и моря, новые леса, новые растения, новых интересных животных, быть может, и новых людей, и обо всём этом сообщим на Землю. Как расширятся наши знания о Вселенной! Стоит ради этого рисковать! Думайте же, думайте, решайте и говорите ваш ответ.

— Мы едем с вами, Иван Иванович, — ответил Аркусов. — Едем, если даже будет только один шанс про-

тив тысячи остаться в живых. Но мне хотелось бы иметь ответ ещё на один, последний вопрос. Вы всё время говорили о дороге туда, на Бету, но ещё ни одного слова не сказали об обратном пути, о возвращении с Беты на Землю. У вас, конечно, имеется на этот счёт разработанный план?

— План? Возвращение на Землю? — спросил Тюменев, как будто его разбудили, оторвав от прекрасных сновидений. Он нервно потёр руки, прошёлся по кабинету, постоял, прислушиваясь, возле двери, подошёл к молодым астрономам и сказал тихо, но чётко и спокойно:

— Мы... никогда... не вернёмся... на Землю. Вот именно! — И, словно рассердившись на себя за минутную слабость, почти крикнул: — Что ж вы молчите? Вы уstraшены? Знайте же, с вами или без вас, но я лечу на Бету.

— Да-а, — протянул Аркусов. — Это совершенно новое обстоятельство. Я соглашался лететь, если есть хоть один шанс против тысячи остаться в живых. Но остаться вечными пленниками этой планеты, покинуть Землю навсегда, покинуть друзей, родных, близких, покинуть всё привычное, любимое, дорогое... Нет, воля ваша, Иван Иванович, но на это я решиться не могу.

Наступило тягостное молчание. Старый астроном сердито шаркал ногами по ковру, словно отбрасывал с пути невидимые камешки.

Проходила минута за минутой, никто не начинал говорить.

Наконец Аркусов поднялся и сказал: «Ну, мне пора...» — и вышел из кабинета.

Тюменев запер дверь на задвижку и подошёл к племяннику. Лицо старого профессора было взволнован-

но, глаза пылливо искали глаза Архимеда.

— Ну, а ты что?

Архимед посмотрел на профессора, улыбнулся и сказал:

— Конечно, я лечу с вами, дядюшка. Нельзя же отпускать вас одного в такое путешествие.

Тюменев молча крепко поцеловал Архимеда и облегчённо вздохнул.

— А теперь за дело. Завтра мы с тобой летим в Ленинград. Мы должны готовиться к путешествию. Академик Шипольский сконструировал изумительный аппарат для глубоководных экспедиций, так называемый автономный гидростат. Он может погружаться в самые глубокие места океана и выдерживает давление десяти километров воды. Представляешь себе, какая прочность у аппарата? Прочнее межпланетной ракеты. Думаю, что в гидростате удобнее всего совершить перелёт, только нужно немного переоборудовать кое-какие детали. Академик Шипольский дал согласие. Разрешение правительства получено. Мы должны с тобой принять участие в переоборудовании гидростата. Придётся гребной винт заменить гидравлическим двигателем и прочее... А чтобы взять большие запасы продовольствия и освободить место для астрономических инструментов, я ограничиваюсь всего тремя участниками экспедиции...

— Кто третий? — спросил Архимед.

— Молодой учёный, ученик Шипольского.

...На другой день они уехали и довольно долго отсутствовали. Вернулись всего на три дня и, наскоро простившись, уехали снова, — на этот раз навстречу всем неожиданностям необычайного путешествия на Бету.

Рис. В. Качальского

(Продолжение следует)

Стихи о Москве

Валентин ОСИПОВ

У ПАМЯТНИКА ПОЭТУ

Зима не обошла
Столицу стороною,
Снежинок лепестки
Стяхнув: бери, Москва!
У Пушкина в кудрях
Застряла сединою,
На пьедестал его
Роняя кружева.

Поэт готов сойти
На землю с пьедестала —
На снежной белизне
Следов оставить вязь.
Но, увидав цветы, —
Их принесли немало! —
На землю не сошёл,
Их растоптать боясь...

Перевёл с марийского
Сергей МАКАРОВ.

Рис. О. Вороновой
и Л. Уральской

Михаил САДОВСКИЙ

У БОЛЬШОГО ТЕАТРА

На площади погасли фонари.
Затих фонтан. Афиши потемнели.
Как эхо, стали гулкими панели.
Чернеют окна. Музыка внутри.

А взгляд поднять —
И хватит даже мига
Увидеть

и почувствовать почти,
Как бешено по Млечному Пути
Летит неудержимая квадрига.

И чудятся в туманной темноте
Глубь сцены.

Рампа.

Занавес.

Поклоны...

И снова,

словно грации,

колонны

Всю ночь безмолвно крутят фуэте...

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12
РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ

ЗАКОНА!

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

*Первая
встреча
с
законом*

Рано утром в кабинет начальника уголовного розыска районного отделения милиции, капитана Соколова вошёл дежурный милиционер.

— Товарищ капитан! — доложил он. — Тут к вам школьники. Целая орава! Говорят, что они преступника поймали!

— Давай их сюда, — распорядился капитан.

...Первые несколько минут ничего понять было невозможно.

— Мы идём, а он стоит!
— И читает!
— Спрашиваем — где взял?
Не говорит!

— И ещё обзывается!

— А главное, киоск закрыт. И замок висит!

— А как дёрнули — сразу открылось!..

— Стоп! — скомандовал капитан. — Так мы до завтра не разберёмся. Вот ты, — указал он на серьёзного толстого мальчика, — рассказывай. Остальные — тихо.

— Идём мы в школу, — начал рассказывать толстый мальчик, — и видим, что у киоска «Союзпечать» стоит наш одноклассник Серёга Иванов...

— Вот этот! Вот он! — ребята вытолкнули вперёд паренька довольно нахального вида, в расстёгнутом пальто.

— ...Ну да. Стоит и читает журнал «Искорка». А мы этот журнал ждём со дня на день. Его ещё никто не получил! Мы, конечно, у Серёги спрашиваем: где взял? А он говорит — не ваше дело.

— Тут я смотрю, — всё-таки вмешался ещё один мальчик, в очках, который всё это время держал Серёгу за рукав, — а замок у киоска на честном слове болтается. Я за дверцу потянул — она и открылась! А внутри — пакет с «Искоркой», весь развороченный! Несколько номеров даже на полу валяется.

— Мы Серёжке говорим, — сказала рыженькая девочка в шерстяной шапочке с помпоном, — положи журнал на место, остальные собери, и мы тогда никому не скажем. А он говорит — чего пристали, ничего я не знаю! Какой киоск?! Ну, думаем, раз так — тогда в милицию пойдём. Вот и пришли!

— Понятно! — нахмурился капитан. — Что скажешь? — спросил он Сергея.

— Подумаешь, журнал читал! — огрызнулся Иванов. — Нашли преступление!

— А почему на улице? — воскликнул толстый мальчик.

— Как открыл — стало интересно очень... А что — нельзя на улице?

— А где ты взял журнал? — строго спросил мальчик в очках.

— Нашёл! — зло сказал Серёжа. — Он рядом с киоском лежал. А что внутри киоска — этого я не знаю.

— Да врёт он, товарищ капитан! — загалдели ребята. — Ясное дело! Раз не признаётся да ещё издевается — в тюрьму его сажайте. Пускай сидит, пока не сознается!

— Это какой киоск? — спросил капитан. — На углу Садовой и Парковой?

— Да-да, этот, — подтвердили ребята.

Соколов нажал кнопку селектора.

— Ивченко, — сказал он, — зайди ко мне.

В дверях появился невы-

сокий худощавый лейтенант.

— Прогуляйся-ка к киоску «Союзпечати» номер восемь! — попросил Соколов. — Выясни, что там творится.

— Есть, товарищ капитан! Ивченко повернулся на каблуках и исчез.

— Будем разбираться... — задумчиво сказал Соколов. — Только имейте в виду, ребята, сажать Сергея в тюрьму я не имею права.

— Почему? Вы же самый главный! Начальник угрозыска! Прикажете — и всё!

— Нет, — повторил капитан. — Наказание определяет не милиция. Только суд имеет на это право.

— Тогда пошли скорее в суд! — решительно сказала рыженькая с помпоном.

— Правильно, — поддержали остальные. — Идём!

— Не торопитесь, — остановил ребят капитан. — Суд не будет заниматься этим делом.

— Почему? Ведь кража — преступление? Значит, Серёга — преступник!

— Нет, — твёрдо сказал капитан Соколов. — Является человек преступником или нет, опять-таки может определить только суд.

— А по-моему, это неправильно, — упорствовал толстый мальчик. — Киоск открыт, журналы валяются, он стоит с «Искоркой» в руках. Чего ещё надо?

— Садитесь, — предложил капитан. — И давайте спокойно всё обсудим.

Ребята сели. Серёжа остался стоять.

— И ты садись, — сказал капитан.

— Мне тоже можно? — удивился Серёжа.

— А почему нет? Пока что ты — такой же человек, как и все остальные.

— Вот именно — «пока»! — ехидно сказал кто-то из ребят.

— Да не лазил я в этот киоск несчастный! — закричал Серёжа, чуть не плача. — А журнал на тротуаре подбрав!

Ребята засмеялись. Серёжа махнул рукой и отвернулся к стене.

— Послушайте, друзья, — капитан откинулся в кресле, приготовившись в долгому разговору. — «Графа Монте-Кристо» читали?

— Читали, а как же, — хором ответили ребята.

в школу, видит, что у киоска лежит журнал, поднимает с земли и читает. Могло такое быть? Хотя бы теоретически?

— В общем, да... — неуверенно проговорил кто-то.

— То-то и оно!

— Хорошо. Допустим, было по-вашему, — не сдавался толстый мальчик. — На свете всё бывает. Но пускай Серёга это докажет! Пускай объяснит: почему открыт киоск, почему валяются журналы. Тогда мы поверим. А так...

— Помните, как судили Эдмона Дантеса, главного героя романа? Ведь против него были все улики! Казалось бы, и сомнений быть не может, что он — преступник. А в итоге — Дантес двадцать лет безвинно просидел в тюрьме.

— В замке Иф! — уточнил маленький мальчик с большим носом.

— Правильно, — согласился капитан. — Определить, виновен человек или нет, иногда бывает очень не просто. В конце концов — идёт ваш Сергей

Правильно Лёшка говорит, — согласились ребята. — А то мало ли кто что скажет. Так ведь и любой преступник будет говорить — не виноват, и всё!

— Конечно, будет, — сказал капитан. — И доказывать он ничего не должен. В советском уголовном законодательстве действует принцип, который называется «презумпция невиновности». Он гласит: пока вина человека не доказана, виновным его считать нельзя.

— Вот это да! — ахнули ребята.

— Вы говорите, — продолжал капитан Соколов, — пусть Сергей докажет, что он не виноват. А как он это сможет сделать? Он ведь не следователь, не юрист. Нет у него ни инструментов, ни оборудования, ни розыскных собак..

— Пускай свидетелей найдёт! — предложил толстый Лёша.

— А если нет свидетелей? — возразил капитан. — Или, предположим, они есть. Но почему эти люди должны вступать в разговоры с мальчиком? Куда-то с ним идти, что-то доказывать? Вот мы — другое дело. Присылаем повестку — и человек обязан явиться для дачи показаний.

— Так что же нам теперь делать? — рассердился Лёша.

— А мы на что? — улыбнулся капитан Соколов. — Вы совершенно правильно сделали, обратившись в милицию. Собрать улики, вещественные доказательства, показания свидетелей — это обязанность наша, но и защитить невиновного — тоже наш долг. А если нет доказательств — нет и обвинения. Мы не имеем права даже начать следствие.

— Это верно!

В дверях стоял невысокий плотный мужчина в тёмно-синей форме.

— Добрый день, капитан! — приветливо сказал он. — Отчётность ваша меня интересует и вообще состояние дел... А вы, я вижу, беседу проводите?

— Да нет, дело посложнее. Вот, ребята, перед вами — прокурор нашего района Николай Николаевич Кириллов.

Поднялся шум.

— Ой, как здорово!

— А вы тоже преступников ловите?

— Прокурор в суде выступает!

— В суде адвокат выступает!

— И прокурор тоже!

— Ты сам-то не выступай!..

— Тише, ребята, тише, — попросил прокурор. — В чём дело, Владимир Иванович? — обернулся он к Соколову.

Капитан в нескольких словах изложил суть дела.

— Товарищ прокурор! — официальным тоном сказал он напоследок. — Прошу вашего совета: нужно ли возбуждать уголовное дело по обвинению Иванова Сергея в совершении кражи из киоска «Союзпечать»?

— Нет, капитан, возбуждать дело не следует. Нет оснований.

— Значит, нет оснований? — хмуро сказал мальчик в очках. — Эх, вы!

— В мои обязанности входит надзор за соблюдением законности, — начал рассказывать прокурор. — Если где-то закон нарушен — я должен вмешаться. И когда доказательства вины собраны, следствие закончено, я буду поддерживать обвинение в суде и просить вынести соответствующую меру наказания. Но пока...

И тут зазвонил телефон.

— Угрозыск, — снял трубку капитан.

— Да, Ивченко, я... Что?! «Стриженный»?.. Где? — Другой рукой он нажал клавишу селектора. — Группу захвата к гастроному на Каштановой, срочно!.. Слушай меня, Володя! — закричал капитан. — Ни в коем случае самому не брать! Понял, Ивченко, — ни в коем случае! Ну и что — он один? И ты один! При чём тут твоё дзю-до? Группа захвата вышла — следи и жди! А я говорю — не уйдёт! Категорически запре... Ивченко! Володя! Володя!

На другом конце трубку,

видно, бросили. С улицы до-
нёсся затихающий вой сирены.

— «Стриженный» объявил-
ся?.. — с тревогой спросил про-
курор. — Он же с пистолетом
не расстается!..

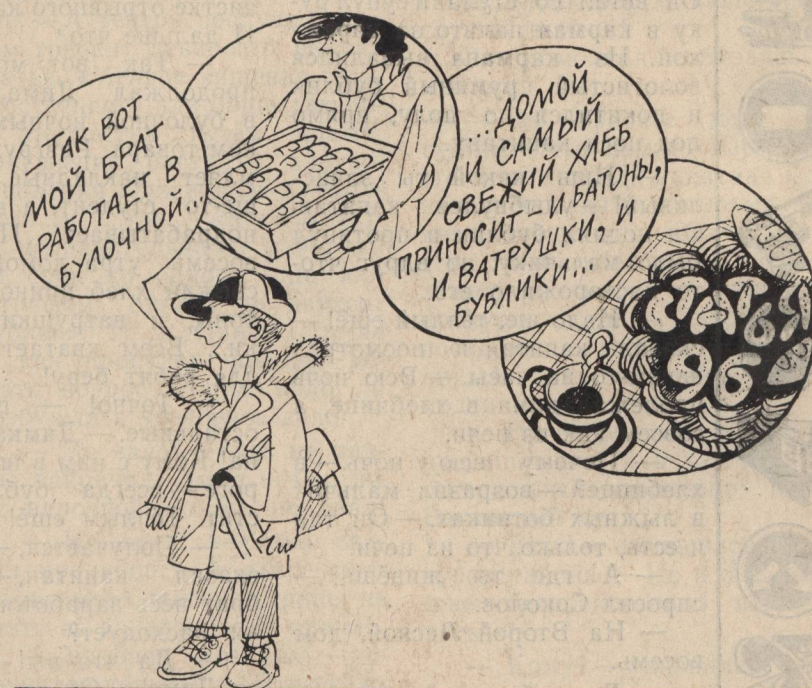
— Супермены несчаст-
ные! — опять закричал капи-
тан. — Мастер спорта он, ви-
дите ли!.. Поскользнуться
может мастер спорта? На ле-
дышке, на бумажке конфет-
ной! На ровном месте!.. Может
или нет?

«Стриженного» — в камеру.
Почему — в больницу? Руку
сломал... Что же ты так неак-
куратно? Мастер спорта, назы-
вается!..

Он положил трубку, с шу-
мом выдохнул воздух и про-
вёл ладонью по лицу.

— За что же Ивченко под
арест? — возмутился мальчик
с большим носом. — Он ведь
герой!

— Ну да!.. — насмешливо
посмотрел на него капитан. —

— Может, — испуганно ска-
зал кто-то из ребят.

— А этот «Стриженный» —
громила под два метра! И те-
рять ему нечего! И знает он,
что его вот-вот возьмут — па-
лец на крючке держит!

Телефон зазвонил снова.

— Ну?! — схватил трубку
капитан. — Ах, уже... Конеч-
но — иначе ушёл бы. Исчез
бы бесследно. На луну бы,
наверное, улетел!.. А группа?
Подъехала... Лейтенант Ив-
ченко — за неисполнение при-
каза — трое суток ареста!

А ты, я так понимаю, детекти-
вов по телевизору посмотрелся
и думаешь: вот они, будни уг-
розыска. Бандиты, стрельба!..
Нет, для нас вооружённый бан-
дит — давно уже, слава богу,
не будни. Очень редкий экзем-
пляр. И брать таких надо спо-
койно, без риска, чтобы он и
пикнуть не успел... Каждый
раз жизнью рисковать — сот-
рудников не хватит!..

— Так Ивченко, наверное,
его случайно увидел, — дога-
дался толстый Лёша, — и ре-
шил!..

— Именно что случайно, — согласился капитан. — А должно быть — не случайно. Надо найти и за каждым его шагом следить. А такие подвиги... Это, если хочешь знать, наш в работе брак. А если бандюга стрельбу откроет? Днём, на улице?.. Вокруг — люди. Дети в школу идут!

Ребята притихли.

— Извините, — нарушил молчание мальчик в лыжных ботинках. — Мы пойдём... — Он встал со стула и сунул руку в карман пальто за варёжкой. Из кармана вывалился золотистый румяный бублик и покатился по полу, прямо под ноги капитану.

— Ишь какой ты запасливый! — улынулся капитан. Он поднял бублик и протянул было мальчику, но вдруг что-то насторожило его.

— Надо же, тёплый ещё! — сказал капитан и посмотрел зачем-то на часы. — Всю ночь пролежал дома в хлебнице, а совсем как из печи.

— Почему всю ночь — в хлебнице? — возразил мальчик в лыжных ботинках. — Он так и есть, только что из печи.

— А где ты живёшь? — спросил Соколов.

— На Второй Лесной, дом восемь.

— Ваша булочная в девять открывается. Сейчас — девять двадцать, а вы у меня около получаса сидите. Когда же ты его купил?

— А я его не покупал! — опять возразил мальчик, очень довольный тем, что сумел удивить начальника угрозыска. — Мне брат принёс!

— А он где взял? — продолжал удивляться Соколов.

— Понимаете, — стал рассказывать мальчик, — чтобы утром в булочной хлеб был свежий, привозят его с хлебозавода ночью или очень рано утром. Приходит машина, её

надо разгрузить, лотки с хлебом на место поставить, пересчитать, в накладной расписаться...

— Похоже на девяносто шестую, — неожиданно сказал прокурор.

— Именно-именно! — согласился капитан. — Да ты продолжай! — кивнул он мальчику. — Тебя, кстати, как зовут?

— Дима Ковальский.

— Ковальский... — повторил капитан, записав что-то на листке отрывного календаря. — И дальше что?

— Так вот мой брат, — продолжал Дима, — работает в булочной ночным приёмщиком товара. Разгружает, оформляет накладные... Он вообще-то студент, а в магазине подрабатывает. Приходит в восемь утра домой и самый свежий хлеб приносит — и батоны, и ватрушки, и бублики... Всем хватает! Я ещё и для ребят беру!

— Точно! — подтвердили остальные. — Димка не жадина! Кому с ним в школу по дороге — всегда бубликом угостит. Тёплым ещё!

— Получается, — небрежно сказал капитан, — что твой брат весь заработок на бублики расходует?

— Да что вы! — рассмеялся Дима. — Он за них не платит! Зачем он будет платить, если сам их разгружает?

— Ты своему брату вот что посоветуй, — предложил капитан. — Тут рядом есть магазин «Ювелирторг». Кольца продают, брошки, перстни с камнями... Пусть он лучше устроится алмазы разгружать! Ей-богу, выгоднее! А что бублики — мелочь!

Ребята засмеялись. Дима хотел капитану возразить, но, почувствовав неладное, замолчал.

— Да, — вздохнул прокурор, — собрались вы с пре-

ступностью бороться, а настоящего преступника и не заметили!..

— Это вы про Юрку моего? — возмутился Дима. — Какой же он преступник? Если бы действительно алмазы!.. А бублики! Сами говорите, мелочь!

Прокурор раскрыл портфель и достал небольшую книжку.

— «Уголовный кодекс РСФСР», — прочёл он название. — А теперь послушайте, о чём говорит девяносто шестая статья. «Мелкое хищение государственного или общественного имущества путём кражи, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением...» ...так... «наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом от ста до двухсот рублей!» И в данном случае я, как прокурор, должен решать вопрос о том, надо ли возбуждать уголовное дело.

— Не надо! — чуть не плача, закричал Дима. — Он же не нарочно! Он же не знал!

— Не знал!.. — резко сказал прокурор. — А какое право он имеет, живя в стране, не знать её законов? «Не знал»!..

— Удобная позиция! — усмехнулся капитан. — Этак каждый преступник будет оправдываться тем, что он не знал! Нельзя воровать — не знал, нельзя хулиганить — не знал... Пожалуй, и судить будет некого!

— А вот чтобы исключить подобные, с позволения сказать, «оправдания», — добавил прокурор, — в нашем законодательстве чётко сказано: «Незнание закона не освобождает от ответственности!»

— Товарищ прокурор! — в полном отчаянии крикнул Дима. — Ну, не надо Юрку судить! Ну, пожалуйста!

И остальные ребята заволновались.

— Из-за бублика!

— Так не один же бублик! Ещё ватрушки!

— А если каждый начнёт?

— А ты, Волков, боишься — тебе не хватит? Скорее похудеешь!

— А ты, шкилет, вообще молчи!

— Всё равно, судить — это слишком!

— Тише, ребята, — строго сказал прокурор. — Тише! Послушайте меня!

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Вы просите меня не судить этого самого Юру. До этого вы просили капитана Соколова посадить в тюрьму вашего товарища... Значит, почему-то вы убеждены, что всё зависит от нас — от милиции, прокурора, судьи... Захотели — посадили, захотели — отпустили... А ведь мы тоже люди подчинённые...

— Ну да, мы знаем! — кивнул мальчик в очках. — Есть генеральный прокурор, есть Верховный суд!..

— Есть! — согласился прокурор района. — Но и они должны беспрекословно повиноваться!

— Кому? — удивились ребята.

— Закону! — веско произнёс прокурор. — Всеми нами руководит ЗАКОН. И отступить от него никто не может!

— Значит, Юрку будут судить! — горестно вздохнул Дима. — И чёрт меня дёрнул проболтаться!

— Не будут его судить, — успокоил Диму прокурор. — По этой статье уголовное дело можно не возбуждать, если нарушение небольшое и совершается впервые. Но вот побеседовать со мной твоему брату придётся! Напиши-ка свой адрес!..

Дима склонился над листком бумаги. Остальные ребята замолчали и задумались.

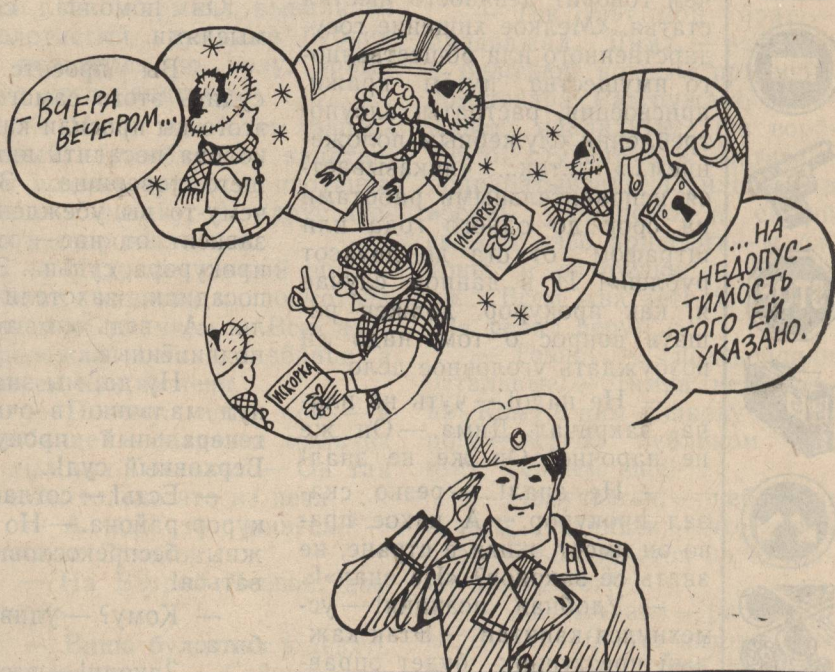
— Вообще-то, — неуверенно произнёс маленький мальчик с большим носом, — надо бы почитать про законы эти... А то ещё влипнешь в историю!.. Из-за бублика!

— Да, друзья, — согласился капитан Соколов, — законы надо знать. Кстати, в историю вы действительно чуть не влипли. В ваших поступках есть один очень неприятный момент. Я имею в виду ваш

— Товарищ капитан! — скрывая улыбку, сказал прокурор. — Прошу вас, ввиду чрезвычайных обстоятельств, отменить приказ об аресте лейтенанта!

— Ладно... — пробурчал капитан. — Ну, а что там с этим киоском? Небось забыл в пылу сражений?

— Вчера вечером, — стал докладывать Ивченко, — к продавщице киоска Петровой Вере Ивановне пришёл внук Петров Виктор Николаевич, семи лет. Он, пока бабушка работа-

разговор с Серёжей около киоска... Прямо вам скажу — если бы действительно было совершено преступление, вы тоже могли попасть под суд!

— Мы — под суд? — испуганно спросила девочка в шерстяной шапочке. — Но за что?

Дверь открылась, и в кабинет вошёл лейтенант Ивченко.

— Разрешите обратиться!

Капитан Соколов встал из-за стола, подошёл к Ивченко и молча пожал ему руку.

ла, разворошил кипу журналов «Искорка». Поскольку было уже поздно, Вера Ивановна решила, что наведёт порядок с утра. Один журнал она разрешила внуку взять с собой и оставила за него деньги в киоске. Однако, когда они пришли домой, выяснилось, что Петров Виктор Николаевич, семи лет, «Искорку» потерял по дороге. Что касается замка — он уже два дня, как испорчен, и Вера Ивановна вешает его просто так, для ви-

да. На недопустимость этого ей указано.

— Всё ясно, — сказал капитан.

Ивченко повернулся на каблуках и вышел из кабинета.

Опять воцарилось молчание. Серёжа обиженно засопел, остальные ребята старательно смотрели в пол.

— Ну, вот что, — сказал капитан Соколов, — идите в школу и обо всём подумайте. Когда всё обдумаете, — приходите, поговорим.

...— Да-а! — задумчиво сказал прокурор, когда ребята ушли. — Ситуация интересная. Вы знаете, Владимир Иванович, о чём я подумал? А не делаем ли мы ошибку?

— Какую?

— Мы ведём правовую пропаганду среди подростков, начиная лет с пятнадцати. А надо начинать знакомить с законодательством значительно раньше. Вот ведь попадают ребята в ситуации, а как вести себя — не знают...

— Это верно! — согласился Соколов. — Но, с другой стороны, юриспруденция — сложная наука! История, теория, нормы, положения... Если ребятам лекции про это читать, боюсь, скучно покажется.

— Пожалуй... — прокурор задумался. — Конечно, разные детективные истории их увлекают! Но одними детективами не обойдёшься! Нужна научная основа. А вот как подать всё это занимательно?!. Конечно, неплохо бы связаться

с каким-нибудь детским журналом, например, с той же «Искоркой»... Там сотрудничают хорошие детские писатели... Но ведь они науки нашей не знают! Нужен союз юриспруденции и литературы.

— Есть такой союз! — воскликнул капитан Соколов. — Ивченко! — сказал он в селектор. — Зайди ко мне.

— Садись, Володя, — сказал капитан, когда Ивченко вошёл. — Скажи-ка, ты со своей Ниной встречаешься?

Ивченко смутился и покраснел.

— Понятно! — подмигнул прокурору капитан. — Небось по улицам гуляете, в кино ходите, в театры?..

— А в чём дело? — спросил Ивченко.

— Разговариваете, конечно, о звёздах, о всяких там мировых проблемах да кто кого больше любит!..

— Нельзя, что ли? — обиделся Ивченко.

— А Нина, — продолжал капитан, — учится, между прочим, на факультете журналистики... На втором курсе...

— На третьем, — поправил его Ивченко. — А в чём дело то?

— Значит, так! — официальным тоном произнёс капитан. — Приказываю вам, лейтенант Ивченко, отныне разговаривать со своей невестой исключительно на юридические темы!.. Слушай, Володя, внимательно... Требуется от вас с Ниной вот что...

ОТ РЕДАКЦИИ

Недавно студентка факультета журналистики Нина Александрова пришла в «Искорку» и принесла... свои стихи. Стихи нам понравились, и мы решили их напечатать в одном из номеров. Кроме того, Нина рассказала нам о капитане Соколове, о лейтенанте Ивченко, и о том, как однажды пришли в милицию ребята из шестого «В»...

В редакции в это время находился писатель Олег Данилов, который иногда приходит попить чаю и поделиться своими творческими планами.

Олег Данилов, услышав про всё это, сильно оживился.

— Надо писать! — горячо заговорил он. — Это страшно увлекательно.

Мы согласились с Олегом, но Нина сказала, что, во-первых, она сейчас увлечена стихами и ни на что другое отвлекаться не может, а во-вторых, Володя... То есть они с Володиной... А капитан Соколов может подумать... Тем более что... В общем, ей про них писать неудобно.

— Но это ужасно! — воскликнул Олег Данилов. — Пропадает потрясающий материал! — Он так разволновался, что начал бегать по редакции, размахивая руками и натыкаясь на стулья, столы, шкафы и пишущую машинку.

Вдруг он резко остановился.

— Хорошо! — сказал он решительно. — Давайте так! Вы, Ниночка, пишите — пока! — свои стихи. А про ваших друзей из угрозыска писать буду я.

Вот так появился материал, который вы только что прочитали.

Недавно Олег Данилов звонил в редакцию и сказал, что ребята из шестого «В» в милицию всё ещё не приходили. Может быть, они не знают, как ответить на вопрос капитана Соколова!

Читатели! А как бы ты ответил на этот вопрос? Напиши нам. Может быть, твоё письмо пригодится шестиклассникам.

Вопрос капитана В. И. Соколова: Предположим, что Серёжа Иванов совершил кражу. Почему ребята могли оказаться причастными к преступлению? Какие их действия или слова говорят об этом?

А вот вопрос прокурора Н. Н. Кириллова: Брат Димы Юра унёс из булочной несколько бубликов, каждый стоимостью 6 копеек. По закону — это преступление. Ребята из шестого «В» думают, что, в этом случае закон слишком суров. А как думаете вы?

????????????????

«ВСЁ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ»

(К рисункам на 2-й странице обложки)

Петроград. Грозный, голодный, трудный 1918 год. К городу подтягиваются войска немцев. 23 февраля в боях с ними родится Красная Армия. А за три дня до этого события — 20 февраля 1918 года — приказом народного комиссара просвещения А. В. Луначарского будет создана первая в нашем городе художественная школа для детей. «Всё лучшее — детям». Эти слова В. И. Ленина с самого первого года Советской власти стали единственной мерой отношения к подрастающим гражданам нового государства.

Скоро Ленинградской городской художественной школе исполнится 70 лет, и мы решили начать знакомить читателей нашего журнала с рисунками тех ребят, которые учатся в этой школе.

Какие темы для своих работ они выбирают! Что умеют в жизни увидеть! Что любят! Что отвергают! В одном номере журнала рассказать об этом просто невозможно, и потому для сегодняшнего показа мы выбрали только две работы. На одной из них — недавно отшумевший новогодний школьный карнавал. На другой — зимний воскресный день.

Это — темы мира и счастья, которыми живёт сегодня наша страна.

Организация Объединённых Наций объявила 1986 год — Годом Мира. «Мы в Советском Союзе стоим за то, — говорил М. С. Горбачёв в „Новогоднем обращении к советскому народу“, — чтобы этот Год Мира перешёл в мирное десятилетие, чтобы в XXI век человечество вступило в условиях мира, доверия и сотрудничества».

ЛАДОНИ

I

Славный обычай давних времён
до нынешних дней дошёл:
тот, кто тебе подаёт ладонь,—
тот с дружкой к тебе пришёл.
Тёмные мысли лучше прогнать,
обиду спеша забыть,
но не забудь мне ладонь подать:
я очень хочу дружить!

II

Ладушки, ладушки,
где были?
У бабушки!
А у бабушки ладони
все в морщинки собраны,
а у бабушки ладони—
добрые-предобрые.
Всё работали ладони
долгими годами,
пахнут добрые ладони
щами с пирогами.
По щеке тебя поглядят
добрые ладони,
и с любой печалью сладят
добрые ладони.
Ладушки, ладушки,
где были?
У бабушки!

III

Улетая вдоль окошка
в дальние скитанья,
месяц розовой ладошкой
машет:
«До свиданья!»
Пляшет лунная дорожка
по твоим игрушкам.
Под твоей щекой— ладошка,
а под ней— подушка.
Собрались ночные тени,
тихо стало в доме...
Наберёшь ты сновидений
полные ладони!

IV

Мы по линиям ладони
всё прочтём, как на ладони,
раскрывай её скорей!
Это — линия работы,
это — линия полёта,
это — дружбы и друзей.
Это — линия тревоги,
это — линия дороги,
светлой встречи вдалеке.
Только линии разлуки,
лени, горечи и скуки
пусть не будет на руке!

Рис. Л. Коломейцевой

Сказки, которые придумал Киплинг

Жил да был кит. Однажды случилось так, что проглотил он моряка, а вместе с моряком — плот, на котором тот плыл. А на моряке были подтяжки... Так вот, с помощью этих подтяжек моряк перегородил киту глотку, и кит с тех пор никого уже не заглатывал. Больше того, вскоре кит женился и был очень счастлив.

Жил да был кот. Был он дикий, ходил, где вздумается, и гулял сам по себе. И вот однажды... Да что сказку пересказывать, лучше самому прочитать!

А вот в одном доме жил-был мангуст. И если бы не был он смелым, если бы не вступил в смертельную схватку со змеями, плохо пришлось бы тогда и всем жителям дома, и всем обитателям сада у дома, в котором жил мангуст Рикки-Тикки-Тави.

А откуда у верблюда горб?

А почему у броненосца такая шкура?

Обо всём этом рассказал в своих сказках Редьярд Киплинг, английский поэт, прозаик и замечательный сказочник.

А почему мы сейчас о его сказках вспомнили?

Да потому, что совсем недавно, 30 декабря только что закончившегося года, Редьярду Киплингу исполнилось 120 лет со дня рождения, а 18 января нынешнего года — 50 лет с того дня, как его не стало.

Юбилей — всегда повод для того, чтобы ещё раз рассказать о писателе и познакомить читателей с произведением, которое было им ещё незнакомо. Мы сейчас так и сделаем.

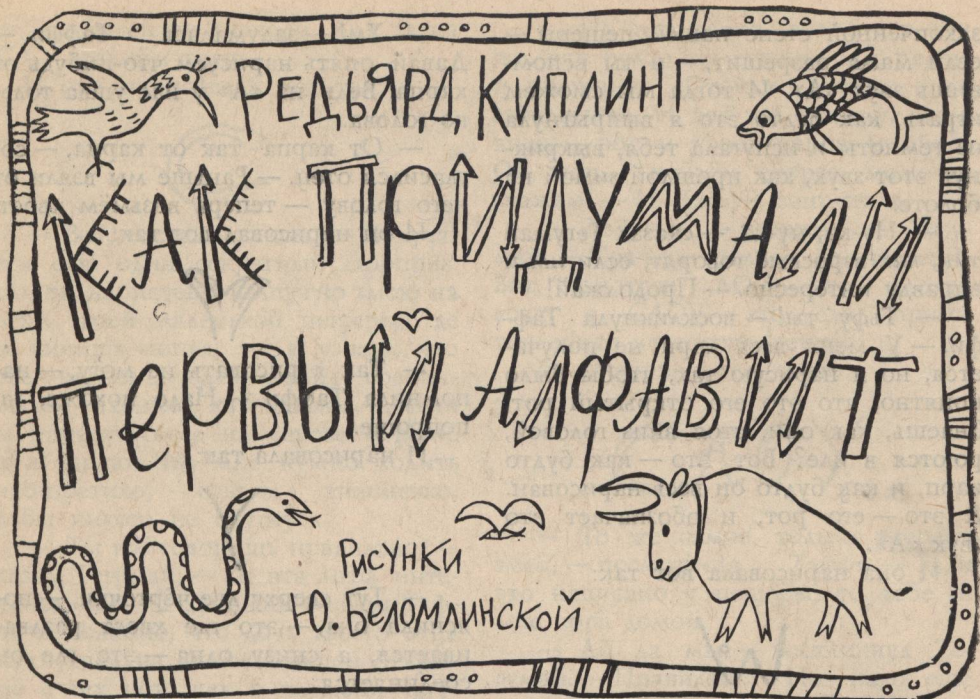
Но прежде чем вы прочтёте недавно переведённую новую для вас сказку Р. Киплинга «Как придумали первый алфавит», стоит рассказать об её действующих лицах — они пришли из другой сказки нашего юбилера: «Как было написано первое письмо». Эта сказка печаталась неоднократно.

Итак: в первобытном доисторическом племени тегумаев жила-была девочка Таффи Металлумай, полное имя которой было — Девочка-Которую-Нужно-Хорошенько-Отшлёпать-За-То-Что-Она-Такая-Шалуныя. У Таффи был папа, прекрасный охотник и рыболов, его звали Тегумай Бопсулай, и мама, она целый день хлопотала по хозяйству, её звали Тешумай Тевиндро. Так вот однажды Таффи нарисовала на маленьком кусочке берёсты длинное-длинное письмо и из-за этого произошло немало недоразумений.

Таффи ничего не оставалось, как придумать алфавит. А помогал ей папа.

Об этом и новая сказка.

Через неделю после того, как Таффимай Металлумай (мой мальчик, мы будем её звать по-прежнему Таффи) устроила всю эту путаницу с отцовским копьём, нарисованным письмом и незадачливым незнакомцем, она снова отправилась со своим отцом Тегумаем на рыбную ловлю. Мать хотела, чтобы она помогала ей развешивать шкуры на сушилных шестах возле их доисторической пещеры, но Таффи ускользнула от неё к отцу, и они принялись ловить карпов.

Вдруг Таффи начала хихикать.

Тегумай сказал:

— Успокойся, малышка, не дури.

— А всё-таки ужасно смешно было, — говорит Таффи. — Помнишь, как Главный Вождь надувал щёки и как смешно выглядел наш славный незнакомец — волосы всклокочены, лицо в грязи!

— Ещё бы не помнить, — нахмурился Тегумай. — Мне пришлось отдать незнакомцу две оленьи шкуры — мягкие, с бахромой! — лишь бы он не сердился на то, что мы с ним сделали.

— Мы с ним ничего не делали, — возразила Таффи. — Здесь виноваты

мамочка и другие доисторические дамы, и ещё — грязь.

— Ну, хватит об этом, — сказал Тегумай. — Давай завтракать.

Таффи принялась за мозговую кость и целых десять минут её не было слышно. Наконец она заговорила:

— Пап, я придумала один секретный сюрприз. Произнеси сейчас какой-нибудь звук.

— А! — сказал Тегумай. — Для начала сойдёт?

— Сойдёт, — кивнула Таффи. — Ты похож на карпа с открытым ртом. Пожалуйста, сделай так ещё раз.

— А! А! А! — произнёс Тегумай. — Только не груби, дочка.

— Я не грублю, честно-пречестно, не грублю, — ответила Таффи. — Это часть моей секретно-сюрпризной придумки. Ну, пап, скажи опять «А», а потом оставь рот открытым и дай мне вот этот акулий зуб. Я хочу нарисовать карпа с открытым ртом.

— Зачем? — спросил Тегумай.

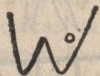
— Неужели не понимаешь? — удивилась Таффи. — Это будет наш маленький секретный сюрприз. Я нарисую карпа с открытым ртом на

закопчённой стене нашей пещеры — если мама разрешит, — и ты вспомнишь звук «А». И тогда мы сможем играть, как будто это я выпрыгнула из темноты и испугала тебя, выкрикнув этот звук, как прошлой зимой на болоте.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Тегумай так, как взрослые говорят, если им и вправду интересно. — Продолжай!

— Тьфу ты! — воскликнула Таффи. — У меня весь карп не получается, но я нарисую так, чтобы было понятно, что это его открытый рот. Знаешь, как они, стоя вниз головой, роются в иле? Вот это — как будто карп, и как будто он весь нарисован. А это — его рот, и обозначает это звук «А».

И она нарисовала вот так:

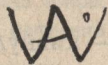

— Недурно, — согласился Тегумай, и стал чертить акульим зубом на своей берёсте. — Только ты забыла про ус, который висит у него попере́к рта.

— Но я же плохо рисую, пап.

— Ничего рисовать и не надо, только ус и как у карпа рот открыт. Тогда мы поймём, что это — карп, потому что у форели и у окуня уса нет. Смотри, Таффи.

И он нарисовал вот так:

— Сейчас я срисую, — сказала Таффи. — Ты поймёшь, что это значит?

И она нарисовала вот так:

— Пойму, — ответил отец. — И если я это где-нибудь увижу, я так же испугаюсь, как если бы ты выскочила из-за дерева и крикнула: «А! А!! А-А-А!!!»

— Тогда давай другой звук, — продолжала гордая собой Таффи.

— Ё! — громко выкрикнул Тегумай.

— Хм! — задумалась Таффи. — Давай опять нарисую что-нибудь от карпа. Ведь на «А» у нас ушла только голова.

— От карпа так от карпа, — согласился отец. — Раньше мы взяли от него голову — теперь возьмём хвост.

И он нарисовал вот так:

— Так я рисовать не могу, — напомнила Таффи. — Надо похоже, но попроще.

И нарисовала так:

— Тут сверху две чёрточки, — пояснила она, — это где хвост раздавливается, а снизу одна — это где он соединяется.

Тегумай только кивнул. Глаза его сияли, он очень увлёкся этой игрой.

— Вот теперь хорошо, — говорила Таффи. — Ещё какой-нибудь звук, папа!

— О! — крикнул Тегумай.

— Это просто, — сказала Таффи. — Твой рот сразу круглеет, как камешек или яйцо, так что всегда можно будет обойтись яйцом или камнем.

— А если ни камня, ни яйца не найдёшь? Надо нарисовать такое же круглое.

И нарисовал вот так:

— Ох-ты-ну-ты! — обрадовалась Таффи. — Сколько у нас уже звуковых картинок: голова карпа, хвост карпа, яйцо! Ну, давай ещё звук, пап!

— Тс-с! — прошипел Тегумай и недовольно нахмурился. Но увлечённая Таффи ничего не замечала.

— Это совсем просто, — сказала она, нацарапав что-то на берёсте.

— Э-э, что? — спросил отец. — Я думал и хотел, чтобы мне не мешали.

— Ну, всё равно же, это звук. Его издаёт змея, когда думает и хо-

чет, чтобы ей не мешали. Для звука «С-С» возьмём змею.

И она нарисовала вот так:

— Вот, — сказала она. — Получается ещё один секретный сюрприз. Если ты нарисуешь шипучую змею на двери твоей маленькой пещеры, где ты чинишь копыя, то я узнаю, что тебе нельзя мешать, и войду совсем-совсем тихонько, как мышка. А если ты нарисуешь её на дереве у реки, то я узнаю, что мне нужно ходить тихо-претихо, совсем тихонечко, чтобы никого не спугнуть.

— Ты всё говоришь правильно, — сказал Тегумай, — но эта игра интереснее, чем ты думаешь. Милая Таффи, я полагаю, что дочь твоего отца наткнулась на самое важное открытие с тех пор, как в племени тегумаев для наконечников копий стали брать не заострённую гальку, а акулы зубы. Я думаю, что мы раскрыли великую тайну мира.

— Тайну? — от любопытства глаза Таффи загорелись ещё ярче.

— Сейчас увидишь, — сказал Тегумай. — Как будет по-тегумайски вода?

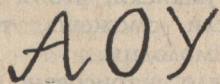
— УОА. Так же, как и слово река. ВАГАЙ-УОА, это значит Вагай-река.

— А как будет вода, от которой можно заболеть? Гнилая болотная вода?

— АОУ, разумеется.

— Теперь гляди, — сказал Тегумай. — Например, возле лужи у болотного болота будет нарисовано так.

И он нарисовал вот что:

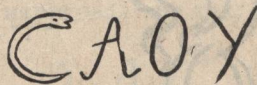
— Рот карпа, яйцо и хвост карпа. АОУ — нехорошая вода, — проговорила Таффи. — Ну, ясно, что я не буду пить эту воду, потому что ты сказал, что она плохая.

— Но меня там не будет. Я, может быть, уйду далеко на охоту, но всё равно...

— Но всё равно, это будет так же, как будто ты стоишь там рядом и говоришь: «Отойди, Таффи, а то заболеешь». И всё это потому, что я вижу — рот и хвост карпа и яйцо! Ой, пап, пойдём скорее, мамочке скажем! — И Таффи запрыгала.

— Подожди, — удержал её Тегумай. — Сначала сделаем кое-что ещё. Вот, смотри: АОУ — это плохая вода, а САОУ — это еда, приготовленная на костре, верно?

И он нарисовал вот что:

— То же самое, только впереди змея, — посмотрела Таффи. — Если это написано у пещеры, то тебе и мне пора домой.

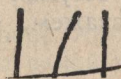
— Ай да мы! — воскликнул Тегумай. — Правильно! Но надо ещё помнить вот о чём. САОУ значит — «иди обедать», а ШАОУ — это сушильные шесты для наших шкур.

— Гадкие, противные шесты! — рассердилась Таффи. — Ненавижу развешивать тяжеленные, душные, волосатые шкуры! Ты нарисуешь змею и плохую воду, я прибегу из леса, а окажется, что мне нужно помогать маме с шестами и шкурами. Что тогда?

— Тогда вы с мамой друг на друга будете сердиться. Давай придумаем новую картинку для «Ш». Можно нарисовать пятнистую змею, она шипит — «Ш-Ш», а простая змея (у нас ведь игра) шипит «С-С».

— А если я позабуду вставить в змею пятна? — усомнилась Таффи. — А если ты будешь торопиться и тоже, может быть, позабудешь нарисовать их, я подумаю, что там «САОУ», а там будет «ШАОУ», и мамочка меня съпаует. Нет! Нужно, чтобы было совсем непохожее. А ещё лучше — пусть будут нарисованы эти противные ш-ш-шесты. Смотри.

И она нарисовала вот так:

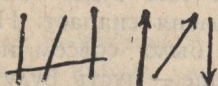

— Что ж, может быть, это и лучше. Во всяком случае, очень похоже на сушильные шесты, — рассмеялся Тегумай. — Теперь я скажу ещё одно слово: «ШИ». Это по-тегумайски — копье, — и отец засмеялся.

— Нечего надо мной подшучивать, — насупилась Таффи, вспомнив про письмо в картинках и незнакомого с перепачканной головой. — Сам это рисуй.

— Теперь мы обойдёмся без холмов и без бобров, а? — поддразнивал Тегумай дочку. — Я уж лучше нарисую копье, да не одно, а целых три.

И он нарисовал вот что:

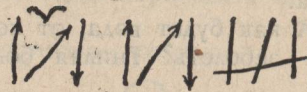

— Теперь даже мамочка не подумает, что меня убили. Давай ещё звуки, у нас это отлично получается.

— Г-хм! — Тегумай прочистил горло. — Ну, скажем, «ЙИШ». Это значит небо.

— Й-и-и-ш... — протянула Таффи. — Как будто вначале эти три копья, но в самом начале ещё что-то такое... Надо эти три копья чем-то отметить. Раз небо, то я сверху нарисую птицу с крыльями.

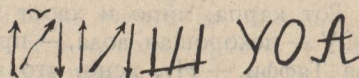
И она нарисовала вот что:

Вдруг Тегумай отвернулся и стал усердно рисовать что-то на своём куске берёсты.

— Сосредоточься, Таффи, — сказал он наконец, — и попробуй сказать по-тегумайски, что я здесь нарисовал. Если сможешь, то мы — настоящие молодцы.

Там было нарисовано вот что:

— Копья с птичкой, копья, шесты, хвост карпа, яйцо и голова карпа, — всматривалась Таффи. — «ЙИШ-УОА». «Небесная вода».

В это время на её ладонь упала капля, потому что всё небо покрылось тучами.

— Дождь? Пап, дождь пошёл. Ты мне это и хотел сказать? Ой, папочка! — И она запрыгала и затанцевала вокруг него. — Представляешь, если бы когда я спала, ты, уходя из дому, нарисовал на закопчённой стене «ЙИШ-УОА», я бы узнала, что идёт дождь, и надела бы мой бобровый плащ. Вот бы удивилась мамочка!

Тегумай тоже запрыгал и затанцевал: в те времена папы любили прыгать и танцевать.

— И не только! И не только! — приговаривал он. — Ну-ка, если я захочу сказать тебе, что дождь небольшой и чтобы ты шла к реке, что мы нарисует? Сперва скажи это по-тегумайски.

— «ЙИШ-УОА-ЛАС, УОА-МА-РУ» (небесная вода, конец, река, идти). Сколько новых звуков! Не представляю, как нам их нарисовать!

— А я представляю, а я представляю, — напевал Тегумай. — Ещё одну минутку не отвлекайся, Таффи, и тогда на сегодня хватит. С «ЙИШ-УОА» всё в порядке, так? Но «ЛАС» — это твёрдый орешек! Ла, ла, ла, — и он стал размахивать акульим зубом.

— На конце-то шипучая змея, и перед ней голова карпа, «АС-АС-АС». Нужно только «ЛА-ЛА», — сказала Таффи.

— Я знаю, но это «ЛА-ЛА» надо придумать. И ни один человек в мире, кроме нас, никогда этого не придумывал, Таффимай!

— Ну, хорошо, — зевнула усталая Таффи. — «ЛАС» — это значит, что что-то ломается, или кончается, или теряется, верно?

— Да, — отвечал Тегумай, — «УОА-ЛАС» значит, что у мамочки кончилась вода и, как раз когда мне надо идти на охоту, она не может варить обед.

— А «ШИ-ЛАС» значит, что у тебя сломалось копьё. Мне бы об этом тогда подумать, а не давать незнакомцу рисунки с дурацкими бобрами!

— «ЛА! ЛА! ЛА!» — повторял Тегумай, хмурясь и теребя палку. — Вот, ёлки-палки!

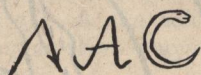
— «ШИ» нарисовать легко, — продолжала Таффи. — А дальше — сломанное копьё — вот такое!

И она нарисовала вот что:

— То, что надо, — заявил Тегумай. — А теперь «ЛА» готово, и его с другими звуками не перепутаем.

И он нарисовал вот так:

— Теперь «УОА». Ой, это мы уже сделали. Теперь «МАРУ». Мам-мам-мам. «МAM» закрывает рот. Разве нет? Нарисуем чей-нибудь закрытый рот.

И нарисовала так:

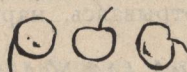

— Добавим разинутый рот карпа, получится «МА-МА-МА». Но эта штука «Р-Р-Р», а, Таффи?

— Она звучит и кругло, и остро. Как яблоко с черенком, — соображала Таффи.

— Что ж, нарисует и кругло, и остро.

И Тегумай нарисовал так:

— Ладно, — согласилась Таффи. — Но нам столько этих штук не надо, оставь две.

— Я оставляю одну, — сказал Тегумай. — Если из нашей игры получится то, что я хочу, то чем проще мы сделаем наши говорящие картинки, тем будет лучше для всех.

И он нарисовал так:

— Вот теперь готово. — Тегумай подпрыгнул на одной ноге. — Сейчас

нарисую всё это в один ряд, как насаживают рыб на кукане.

— Не лучше ли поставить между словами палочки, чтобы они не начали толкаться и тереться боками, как настоящие карпы?

— Я оставляю промежутки, — решил Тегумай.

И на новом большом куске берёсты, не отрываясь, нарисовал:

ЙИШ УОА ЛАС УОА МАРУ

— «ЙИШ - УОА - ЛАС - УОА-МАРУ», — звук за звуком выговорила Таффи.

— На сегодня — хватит, — сказал Тегумай. — Кроме того, ты уже устала, Таффи. Не огорчайся, малышка. Даже если мы это дело окончим завтра, то нас будут помнить ещё долгие годы после того, как все большие деревья в этом лесу будут срублены на дрова.

Они пошли домой, и вечером, сидя по разные стороны костра, Тегумай с Таффи рисовали на закоп-

чённых стенах всякие «АОУ», «УОА», «ШИ» и «ЙИШ» и перехихикивались до тех пор, пока мать не сказала:

— Право же, мой Тегумай, ты не лучше моей Таффи.

— Мамочка, миленькая, не ворчи на нас, пожалуйста, — протянула Таффи. — Это у нас такой секретный сюрприз, но когда у нас будет всё готово, мы тебе сразу расскажем. Только, пожалуйста, не спрашивай меня раньше, а то мне придётся всё рассказа-ать!

Мать ни о чём не расспрашивала.

Когда наступило ясное утро, Тегумай пошёл к реке, чтобы поразмышлять о новых звуковых картинках. Таффи проснулась и увидела написанное на стене мелом — «УОА-ЛАС» (вода кончается).

— Хм, — буркнула Таффи. — Мне эти болтаившие картинки почти надоели. Папка мог бы и сам прийти и сказать, что нужно воды для кухни натаскать.

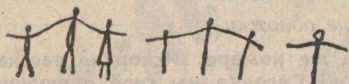
Она обошла пещеру вокруг и берестяным ведёрком натаскала из родника воды, потом побежала на реку и дёрнула отца за левое ухо. Если она вела себя хорошо, ей разрешалось его дёргать сколько угодно.

— Теперь за работу, дорисовывать оставшиеся звуки, — приветствовал её отец.

И они провели ещё один чудесный день, прервавшись только один раз, чтобы перекусить, и два раза, чтобы побаловаться.

Дойдя до «Т», Таффи сказала, что раз с этого звука начинается её имя, и папино имя, и мамино имя, то надо нарисовать всю семью, чтобы все держались за руки. Раз или два нарисовали они всю семью, но на шестой, на седьмой раз Таффи и Тегумай рисовали всё небрежнее и небрежнее, пока для звука «Т» не остался один тощий Тегумай с руками, протянутыми к Тешумай и Таффи.

Из этих трёх картинок ты увидишь, как это происходило:

И вообще, вначале, особенно перед завтраком, многие картинки были очень красивыми, но их перерисовывали с одного куска берёсты на другой, и они становились проще и чётче.

Для «З» они повернули змею назад, чтобы показать, как она шипит тихо и спокойно:

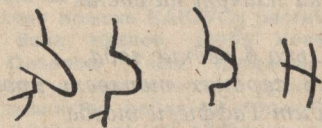
Для «Е» взяли просто петлю, потому что «Е» попадалось в словах очень часто:

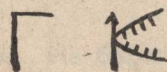
Чтобы изобразить звук «Б», они долго рисовали священного быка, которому поклонялось всё тегумайское племя:

Для назойливо-гнусавого звука «Н» они так долго рисовали носы, что, наконец, устали, чёрточки стали соскальзывать и получилось вот что:

Они нарисовали угол для угловатого звука «Г». А для жёсткого, скребущего звука «К» — щучью пасть с копьём сзади:

Для «В» взяли они верблюда.

Но скоро от большого верблюда остались только лишь два горба.

А поскольку Таффи сидела от отцовской берёсты сбоку, то верблюжьих горбы тоже как будто бы встали набок:

И ещё, и ещё... пока не нарисовали все звуки, какие хотели, и у них получилась целая азбука.

Прошли тысячи лет, потом новые тысячи лет, потом ещё тысячи лет, в течение которых люди писали письмена ионическими и дорическими, нилотическими и демотическими, куфическими и руническими, иероглифами, клинописью и тайнописью (потому что все колдуны, шаманы, факиры и знахари, как увидят что-нибудь стоящее, так непременно захотят переиначить по-своему), но потом, наконец-то, вернулись к старому, доброму алфавиту: А, Б, В, Г и так далее. И все мальчики и девочки, подрастая, легко его заучивают.

И я никогда не забуду Тегумая
Бопсулая, Таффимай Металлумай, их
милую мамочку Тешумай Тевиндро и
всё, что с ними происходило. Всё

это так и было,—всё это было имен-
но так! — на крутых берегах быст-
рой Вагай-реки.

Перевёл с английского
А. КОЛОТОВ.

Где жил когда-то Тегумай,
Там солнце всходит в тишине,
Проходит март, проходит май,
Кукушка плачет на сосне.

Но только в редкие года,
Когда в сердцах теплеет кровь,
Приходит Таффи, и тогда
Весна на землю льётся вновь.

И вышедшая из ночи,
Она танцует на траве,

А солнца первые лучи
В небесной стынут синеве.

Лес пробуждается с утра.
Но только полдень настает,
Сигнальный дым её костра
Клубами белыми плывёт

В тот край, где тают журавли,
Куда слова не долетят,
Где ищет Тегумай вдали
Своё любимое дитя.

Перевёл с английского
М. ПИВОВАРОВ.

СТОЙКИЕ ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

(К рисункам на 4-й странице обложки)

Помнишь, мы обещали тебе, что в первом же номере «Искорки» расска-
жем, как самому сделать оловянных солдатиков! Сегодня мы своё обещание
выполняем.

Прежде чем приступить к работе, приготовь: пластилин, гипс (медицин-
ский), металлический брусок, олово. Кроме того, тебе понадобятся — вода,
немного подсолнечного масла, пустой спичечный коробок, блюдечко для воды,
чашка, чтобы развести гипс, металлическая баночка, чтобы расплавить в ней
олово, плоскогубцы и нож.

Сделай бумажную фигурку солдата — для этого нарисуй его на плотной
бумаге и вырежь.

Положи перед собой четвертую страницу обложки нашей «Искорки». На
ней художник последовательно (следи за номерами рисунков!) изобразил весь
процесс отливки оловянного солдатика.

Помни — дело это кропотливое, оно требует смекалки, терпения и осто-
рожности.

Успеха тебе в работе!

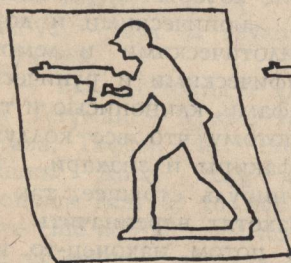
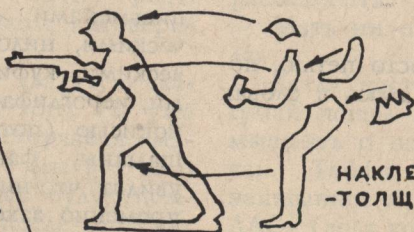

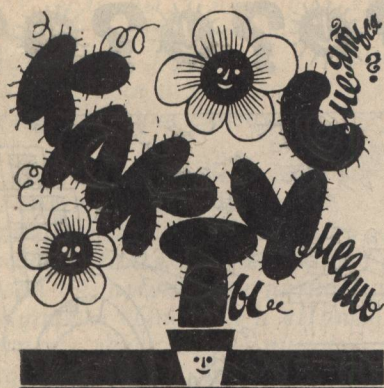
РИСУНОК НА
ПЛОТНОЙ БУМАГЕ

ВЫРЕЗАННЫЙ
СИЛУЭТ

ГОТОВАЯ ФИГУРКА-
МОДЕЛЬ

Когда ты, читатель, возьмёшь в руки этот номер журнала, КАКТУСу исполнится ровно один год, три месяца и ещё несколько дней.

Возраст солидный. Можно подводить итоги.

За это время КАКТУС понял, КАК ТЫ Умеешь Смеяться.

На пятёрку!

Но оказалось, что ты и сам можешь смешить! И иногда, судя по твоим письмам, тоже на пятёрку.

«Я хочу помочь КАКТУСу расти!» — так писали Вова Иванов, Люба Кокошкина, Люда Ойзоева, Саша Аптекарь, Лена Плотникова и многие-многие другие. Причём большинство ребят не только рассказывают о том, что их особенно развесе-

лило, но и присылают свои смешные произведения. Поэтому КАКТУС сегодня:

1. Знакомит читателей с рассказом ученика 6-в класса 103-й школы Вовы Иванова.

2. Поздравляет читателей со своим юбилеем и с Новым годом!

3. Объявляет КОНКУРС «УМОРИСТИЧЕСКАЯ ФРАЗА». Принимаются фразы из сочинений, ответов на уроках или из разговоров на перемене. И непременно условие: фраза должна быть доморощенная — твоя или твоих товарищей. Лучшие будут опубликованы. Победителей ждут призы!

До звонка оставалось минут пять, когда Толю вызвали к доске.

Нужно было рассказать: «Что я увидел в Древней Греции — в Афинах», но Толя урока не знал и решил тянуть время..

— Я увидел,— начал Толя,— то ли город... то ли пригород... На улицах стояли то ли дома... то ли дворцы... то ли торговые центры...

В классе засмеялись.

— Рядом с городом я увидел то ли море... то ли залив... — продолжал Толя. — То ли мелкий... то

ли глубокий... На берегу был то ли порт... то ли морской вокзал... то ли пляж...

— Скажи, Толя, а как это море называлось? — спросила учительница, еле сдерживая смех.

— То ли Идиллическое... то ли Именическое, — ответил Толя.

В классе все захохотали, стали подсказывать, но Толя не расслышал и исправился:

— То ли Идиотическое...

Учительница засмеялась вместе со всеми и задала ещё один вопрос:

— А как назывался город, ты помнишь?

— То ли Дельфины... то ли Графины.

Учительница так вместе со всеми смеялась, что даже заплакала.

— А что ты там ещё увидел? — спросила она сквозь слёзы.

— Я приехал в Графины в одной упряжке с купцом, — рассказывал Толя. — Он вёз то ли апельсины... то ли мандарины... то ли смородину...

Все уже изнемогали от смеха. Но Толя продолжал:

— Над городом летели то ли глухари... то ли вороны...

— Хватит,— остановила его учительница.— Всё у тебя Толи да Толи. Хоть бы для разнообразия на Вовы перешёл, что ли! А гуси над городом летели?

— То ли гуси,— говорит Толя,— то ли лебеди...

— Вот,— прервала его учительница,— и получай гуся в дневник. Так-то, Толя! Двойка!

В это время раздался звонок, но Толя его не услышал из-за громкого хохота.

Володя Иванов,
6-в класс, 103-я школа.

олег
ТАРУТИН

Однажды подумал Синецын Кирилл, что он почему-то ещё не курил...

Он дожил до пятого класса — а этим не может похвастать.

«Конечно,— подумал он,— что говорить,— простым пятиклассникам вредно курить, но я-то, спортсмен и отличник, вреда не почувствую лично».

Отправившись в школу, Синецын Кирилл отцовский табак по дороге курил и сел, совершенно зелёный, за парту с Петровой Алёной.

На первом уроке диктант он писал, не столько писал, сколько с парты свисал. Потом, уравнение решая, икал, всему классу мешая.

На третьем уроке был вызван Кирилл и мудрым ответом весь класс покори́л, сказав, что Филипп Македонский был древний философ японский.

Ещё в этот день физкультура была: он падал с коня и валился с козла, мутило его и тошнило, исчезли и ловкость и сила.

...Домой он вернулся в тоске и в поту, вернулся и рухнул в пальто на тахту, и вот что увидел куряка среди непроглядного мрака.

Сначала Руслан, богатырь и герой, предстал перед ним, от рыданий сырой. И кашлял он без передышки, и так говорил он с одышкой:

— Ах, если бы я не курил «Беломор»,
меня б не осилил злодей-Черномор!
И милая дева Людмила
ценила б меня и любила!
А нынче она мне сказала:

«Прощай!

Не можешь сражаться, так не обещай!
Мне нужен герой настоящий,
и прежде всего — некурящий!»
Потом появился во сне Робин Гуд.
Сказал он, прокашляв пятнадцать минут:
— Курил и «Опал» я и «Приму»,
И стрелы летят мои — мимо! —
Потом появились Атос и Портос,
потом Арамис с д'Артаньяном —
совсем их замучил склероз и невроз!
Табак подкосил окаянный!

...Кирилл свои сны досмотрел до конца,
очнулся и грозного видит отца.
И тут,

неизбежное чуж,
историю кончить хочу я.

(ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ)

...И тут на поляну выскочил заяц!
Петя быстро нажал на спусковой
крючок — но не попал... Косой ис-
чез в густой траве.

Не успел Петя опомниться, как
появился огромный дикий кабан. Он
бежал Пете навстречу огромными
скачками. Петя занервничал, при-
целился...

КОНСТАНТИН
МЕЛИХАН

микросказка

(В ТРЁХ ГЛАВАХ)

Глава первая, сказал Иван.

Глава вторая, сказал Иван
и махнул мечом ещё раз.

Последнюю главу бы
оставил! — взмолился Змей
Горыныч.

Нет! — отрубил Иван.

Бах — промах! Ещё выстрел!
Ещё! И ещё! Но всё мимо.

А зверь приближался...

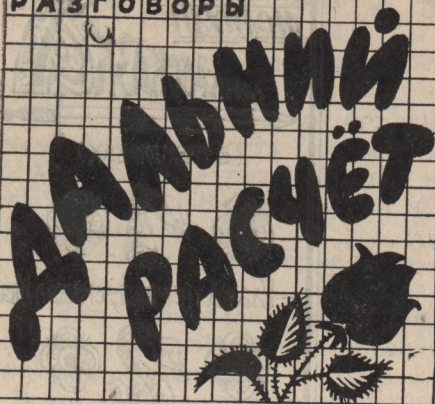
Оставался всего один заряд.
«Последний шанс!» — сверкнула
мысль в голове юного охотника. Он
прицелился спокойно и тщательно.
И... опять промах!

«Всё! — понял Петя. — Это ко-
нец!» Он нервно порывлся в карма-
нах и нашёл-таки ещё одну пята-
дцатикопеечную монету!

Петя опустил монету в игровой
автомат — охота по движущимся
мишеням продолжалась.

ПОДСЛУШАННЫЕ
РАЗГОВОРЫ

— Зря ты, Алла, с ним водишься,— говорит одна девочка.— Он же двоечник.

— Я тоже не отличница,— отвечает Алла.

— Дерётся...

— Со мной не дерётся.

— Ходит непричёсанный...

— Это сейчас модно.

— Хоть бы раз тебя мороженым угостил.

— А у него денег нет.

— Нос картошкой...

— Ничего ты не понимаешь в мужской красоте! Знаешь, какая у него фамилия?

— Пугачёв. Ну и что?

— А то! Если я выйду за него замуж, то буду...

— Дурочкой!

— Нет, Аллой Пугачёвой!

Услышал и записал
Владимир ЛОМАНЫЙ.

ПАПА ПЕРЕЕХАЛ

— Почему твой папа не был вчера на собрании? — спросила Галю учительница.

— Я целую неделю его не видела. Мы купили машину, и он стал гаражником.

РЕЗЕРВ ЭКОНОМИИ

Вова Макаркин считает, что бумагу на его дневник потратили совершенно напрасно. Пятёрки он всё равно не получает. А когда ему ставят двойку, всегда оказывается, что дневник он забыл дома.

ИЗ КЛАССА — В СЕМЕЙСТВО

Пока Витя Подорожников стоял в школьном буфете в очереди за молоком, он успел перейти из класса млекопитающих в семейство сосновых.

Он подражало с Колей Сидоркиным, и на лбу у него выросла шишка.

БОРИС СУЛИМОВ

НОСЫ

Мы с Барбосом
Заболели.

Мы с Барбосом
Засопели.

Мы пришли
В больницу

Сами —

Оба

С мокрыми носами.

Доктор

Очень умный

Был —

Глянул

И определил:

— Если мокрый нос
У Коли —

Значит, Коля
Гриппом болен.

У Барбоса

Мокрый нос —

Стало быть,

Здоров Барбос!

СТВЕТЫ на КАКТУСВОРОД "портфель"

Большинство читателей с КАКТУСвордом «Портфель» справились. Первыми прислали правильные ответы Яна Герасимова, Лида Пушкарёва, Вася Головенко, Виталий Новопальцев. Слово «Дневник» угадали все. Даже отличники. С «кенгуру» справились не все. Ошибочно были написаны слова: «медведь», «дедушка», «бабушка». Некоторые не разгадали «каскад» Петродворца. Смешно и грустно, ребята, что вы не знаете наших прекрасных пригородов! Зато КАКТУС был очень рад, что почти все узнали новую рубрику «Искорки» — «Узелок». Некоторые даже прислали КАКТУСу отгадки на задания «Узелка». Не беспокойтесь, ребята, всё попадёт по адресу!

КАКТУС благодарит всех, приславших ответы. Особенно тех, кто постарался и сделал ответы с картинками. Предлагаю вам новогодний КАКТУСворд «Ёлка»!

КАКТУСВОРОД "ЁЛКА"

Ребята пришли на новогоднюю ёлку в карнавальных костюмах. Угадай, кем они были?

По стволу ёлки (сверху вниз): Марина пришла в красивом кокошнике и меховых варежках.

По веткам: 1. Игорь намазал лицо сажей, взял в руки мяч и назвал себя великим. 2. Коля пришёл в бурой шкуре на плечах. Но объяснял всем, что он не драная кошка, а обитатель тайги. 3. Петя в рукопашной схватке отбил у брата пластмассовую саблю, сунул её за пояс и лихо крутил приклеенный ус, пока ус не оторвался. 4. Староста Витя напялил на себя чалму, а ребят стал называть подданными. 5. Костя щеголял в мотоциклетных очках, шлеме и в резиновых сапогах, которые он считал унтами. 6. Толстый Миша нарисовал на майке корову, нахлобучил шляпу, а для устрашения щёлкал верёвочным кнутом.

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

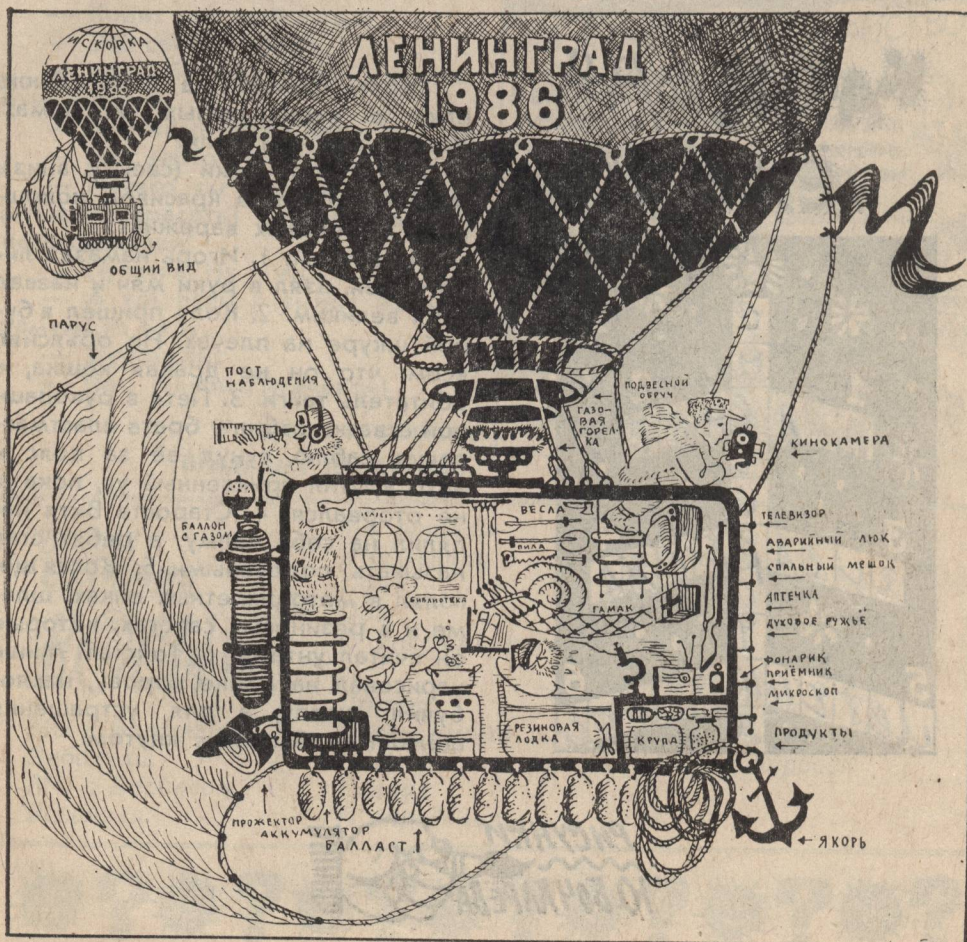
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал начинает БОЛЬШОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ.

Почему большое — понятно: потому что кругосветное. Кругосветное — объяснять не надо. Но почему на воздушном шаре? В наш век, век сверхскоростных самолётов, спутников и космических кораблей!..

А вот почему: во-первых, воздушный шар плывёт в небе медленно и с него всё сверху можно не торопясь разглядеть. Во-вторых: никакого шума и загрязнения окружающей среды. В-третьих — романтично. В-четвёртых, приключений, если лететь на воздушном шаре, будет хоть отбавляй! Куда ветер — туда и шар, куда шар — туда и мы с вами.

Вот он, шар для путешествия. (Конструкция профессора Алидада.)

А вот экипаж воздушного шара:

ПИЛОТ КРЫЛЫШКИН. Опытный пилот и практичный человек. Он не только прекрасно справляется с воздушным шаром, но и умеет развести огонь без спичек, из самых неожиданных предметов построить плот или лодку для переправы через водную преграду, быстро соорудить вигвам для ночёвки и т. д. и т. п.

УЧЁНЫЙ, доктор многих наук ПРОФЕССОР АЛИДАДА. Человек поистине энциклопедических знаний и обширнейшего научного опыта.

ФОТОГРАФ ТРИК-ТРАК. В любых условиях умеет запечатлеть на фотоплёнку всё и вся. Затвор фотоаппарата щёлкает —

трик-так! — и редкий кадр! И на фотографии сохранённая для потомков история.

Ну и конечно, — **ИСКОРКА**, зачисленная в экипаж поваром и ответственная за ведение дневника экспедиции.

Узнав о путешествии, редакцию осадили школьники со второго по десятый класс. Но — увы! — в школе идут занятия, и было решено никого из них не брать. Пусть они лучше своими знаниями и советами помогут нашим путешественникам в трудные минуты.

Ответственным за публикацию отчётов о путешествии назначен Олег Орлов.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Ранним январским утром, когда всё было проверено: запас продуктов, компас, карты, а путешественники заняли места в корзине, — профессор Алидада взмахнул рукой, и шар, освобождённый от сдерживающих его канатов, стал быстро набирать высоту...

Подхваченный сильным южным ветром, шар в несколько минут скрылся из глаз провожающих...

Путешествие началось!

ИЗ ДНЕВНИКА ИСКОРКИ:

...Вот уже много часов штормовой ветер несёт нас к северу. Так можно и на Северный полюс залететь. По-моему, этот курс не входил в расчёты профессора. Но он не унывает и делает свои научные наблюдения. Сказал, что мы приближаемся к Шпицбергену. Все натянули меховую одежду и обулись в валенки. Фотограф Трик-Трак от нечего делать разбирает свой мешок с фотоархивом.

Что такое? Неужели всё-таки поломка в газовой горелке? Ведь она нагревает воздух в шаре...

*Шар теряет высоту...
Только мы спустились из обла-
ков, как вдруг...*

...КАК ВДРУГ

Как вдруг все увидели внизу среди льдов небольшой остров.

— Приземлимся здесь! — сказал Алидада.

— Да, да, — согласился Крылыш-кин. — Нам необходимо починить горелку... Не пришлось бы зимовать на этом безжизненном островке! Кстати, как название острова, профессор?

Профессор с минуту поразмыслил:

— Остров Белый. Да, да, это точно он!

— Остров, где погиб Андре и его храбрые спутники?! — воскликнул Трик-Трак.

— Кто погиб? — со страхом спросила Искорка. — Какой Андрей? Какие спутники?

— Стыдно не знать истории воздушных путешествий... Не «Андрей», а шведский исследователь Андре́. В 1896 году Андре и его спутники Стриндберг и Френкель отправились на воздушном шаре на Северный полюс. Через несколько месяцев в море был подобран поплавок-буй с воздушного шара Андре... А шар и воздухоплаватели пропали...

— Но как же стало известно, что они погибли здесь, на этом островке? — спросила Искорка...

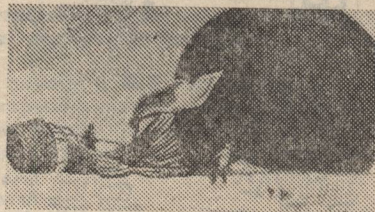
— Это уже другая история... — отвечал Алидада.

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

В 1930 году люди со зверобойного норвежского судна «Братвог» высадились на небольшой остров, чтобы пополнить запас свежей пресной воды. Один из матросов увидел полужасыпанную снегом брезентовую лодку. В лодке был багор с надписью: «Полярная экспедиция

Андре и Стриндберг возле убитого медведя. Фотография сделана Френкелем.

Стриндберг и Френкель у воздушного шара, упавшего на лёд. Фотография сделана Андре.

Андре». Найден был поблизости и вмёрзший в снег труп человека... На островке начались поиски. Нашли ещё один труп, а также множество вещей и дневник. Дневник, который вёл сам Андре!..

— Но путешественников было трое! — сказала Искорка.

— А это уже третья история, — сказал Трик-Трак, — и я могу её рассказать.

ТРЕТЬЯ ИСТОРИЯ

«Братвог» пришёл в норвежский порт Тромсё и привёз туда останки двух путешественников, дневники, другие находки. Мир наконец узнал подробности об экспедиции Андре. Выяснилось, что шар потерпел крушение, путешественники по льду добрались до острова Белый, зазимовали и... таинственным образом погибли. Таинственным — потому что у путешественников было оружие для охоты (и они охотились на белых

медведей), была тёплая одежда, палатка и всё необходимое для зимовки...

Через некоторое время на остров Белый отправился фоторепортёр Кнут Стуббендорф — он хотел сфотографировать остатки лагеря экспедиции Андре. Было лето, снег и лёд во многих частях острова сильно растаяли, и Кнут нашёл сани аэронавтов, останки путешественника Френкеля и фотокассеты. Они были в сохранности, и даже через много лет можно было увидеть удивительные фотографии, сделанные самим Андре... Несколько этих редких снимков есть в моём фотоархиве, и я их вам покажу.

— Но отчего всё-таки умерли путешественники? — спросила Искорка.

— Это, — сказал Алидада, — уже четвёртая история...

ЧЕТВЁРТАЯ ИСТОРИЯ

Уже после второй мировой войны в руки датского врача Трайда попали немецкие документы об эвакуации отряда немецких солдат с одной из полярных баз. Сообщалось, что солдаты тяжело заболели, поев плохо проваренного медвежьего мяса... А много ранее Трайд как врач интересовался причинами гибели Андре и его спутников. В дневниках Андре описывались симптомы недомоганий, сходные с теми, что были в немецких документах. И ведь Андре тоже охотился на белых медведей, и он и его друзья ели медвежье мясо. Экономя керосин для примуса, варили его недолго. А что если причина гибели — малоизученная болезнь? И вот Трайд срочно едет в музей, где хранятся все реликвии экспедиции Андре, берёт там ко-

робочку с обрезками засохшего медвежьего мяса, заплатки из медвежьей шкуры на спальном мешке Андре и медвежий череп, пробитый пулей из ружья Андре. Трайд соскабливает четырнадцать крошечных кусочков мяса белого медведя, возвращается в Копенгаген и передаёт три грамма драгоценного груза в бактериологическую лабораторию... И ждёт. Ждёт долгие три месяца. Наконец в его руках листок с анализом: «В обрезках переданного Вами медвежьего мяса найдено и выделено двенадцать трихинелловых капсул...» Трихинеллёз, болезнь, ранее неизвестная за Полярным кругом, поразила медведей. Но медведи были лишь переносчиками смертельно опасной для людей болезни. От неё и погибли смелые путешественники...

Так почти через шестьдесят лет с помощью пытливых людей и точной науки была открыта тайна гибели экспедиции Андре...

ИЗ ДНЕВНИКА ИСКОРКИ:

Пока рассказывали историю экспедиции Андре, Крылышкин починил газовую горелку и шар начал наполняться тёплым воздухом.

Ур-ра! Летим дальше!

Я быстро накормила всех бутербродами с колбасой (профессор Алидада пошутил при этом: не мясо ли это белого медведя?) и напоила горячим кофе...

Трик-Трак, порывшись в своём бесценном мешке с фотоархивом, нашёл две редкие фотографии, сделанные с фотокассет, найденных когда-то фоторепортёром Кнутом...

Хорошо, что ветер изменил направление. Теперь он стал дуть с северо-востока. Отлично! Значит, летим на юго-запад!

Путешествие продолжается!..

РАДИОГРАММА С БОРТА ВОЗДУШНОГО ШАРА:

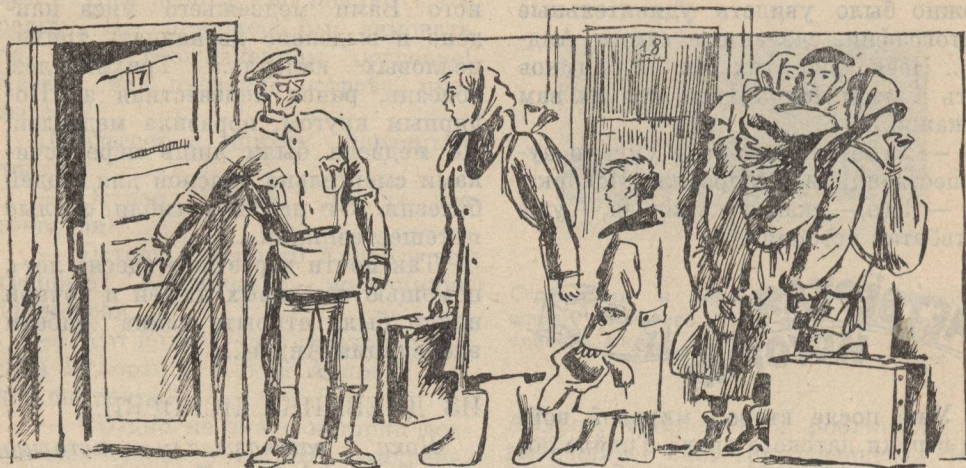
Профессор Алидада попросил читателей журнала «Искорка» сообщить в своих письмах:

1. ИЗ ЧЕГО БЫЛ ИЗГОТОВЛЕН ПЕРВЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ШАР?
2. КАКОЙ ИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ УЧЁНЫЙ ПОДНИМАЛСЯ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ НАД ПЕТЕРБУРГОМ?
3. КАКУЮ НАДПИСЬ ОТЧЕКАНИЛА ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ НА МЕДАЛИ, ВЫПУЩЕННОЙ В ЧЕСТЬ ПЕРВОГО ПОЛЁТА НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ?

РАССКАЗЫ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

Нет на земле ничего страшнее и бесчеловечнее войны. Особенно много горя и лишений приносит она детям. Вот уже больше сорока лет прошло с тех пор, как Победой закончилась Великая Отечественная война, а дети, пережившие войну, забыть её не могут. Они давно уже стали взрослыми, и есть у них свои дети, а порой и внуки, но картины пережитого военного детства всё стоят перед глазами, как живые.

Рассказом Льва Гаврилова «Суп-рататуй» мы открываем новую рубрику и посвящаем его нашему замечательному городу и 42-й годовщине полного снятия блокады Ленинграда.

Лев ГАВРИЛОВ

СУП- РАТАТУЙ

У коменданта общежития был насморк.

— Граждане, героические ленинградцы, — комендант натянул фуражку на лысую голову, — взе за мной!

И все пошли за комендантом.

— Здезь вы.. А здезь вы...

Двери открывались... Двери закрывались... «А где же мы?» — забеспокоился Венька.

— А здезь вы... — комендант открыл двери перед Венькиной мамой.

Венька вошёл в комнату, и она сразу же напомнила ему театр: простыни, как занавес, делили её вдоль, перед «занавесом» — два

топчана, а там, за «занавесом», жили таинственные незнакомые соседи.

— Здезь вы... А здезь вы... — опять загундосил комендант в коридоре.

Венька нашёл в простыне дырку. Приник. Увидел окно, табурет и чемодан с ремнями. Приложил к дырке ухо — за простынёй было тихо. Неожиданно вспомнил новогодний спектакль. Довоенный. С Дедом Морозом, Снегурочкой, Бабой-Ягой и яркой высокой ёлкой. Венька встал перед «занавесом», поправил несуществующую бороду и громко объявил: «Антракт!»

Мама вздрогнула и засмеялась.

За два месяца, что они ехали в теплушке, Венька не произнёс ни одного громкого слова.

Мама сидела на топчане, домашняя, добрая, с тёплым белым платком на плечах. Глядя на маму, и Венька начал смеяться.

Но тут «занавес» приоткрылся и показалась женская голова — круглолицая, круглоглазая, в цветном платке. Платок был завязан как-то по-пиратски — через лоб и набекрень.

— Тише вы, оралы-смеялы! — прошипела голова. — Ребёнок спит.

Голова тут же исчезла, а «занавес» закрылся.

Мама и Венька помолчали, потом раскрыли чемодан и стали раскладывать вещи. «Здесь твоё... А здесь моё...» — передразнивал Венька коменданта, и мама улыбалась. Только когда рядом со стопкой Венькиных вещичек встала пара почти новых ботинок на ранту, мама задумалась и вздохнула.

Смысл этого вздоха Венька понял в середине лета — от его довоенных скороходовских ботинок остались только шнурки, остальное развалилось и разъехалось. Два дня Венька пробегал босиком, а на третий — обнаружил около топчана пару новых ботинок: брезентовых, с сыромятными шнурками, на деревянном ходу. «Таких надолго хватит», — понял Венька, надевая обновку, поучился в них шагать, а это было непросто, и в полдень отправился на химзавод. К маме. Обедать. Чтобы подошвы о дощатые уличные мостки не шибко стучали, шёл медленно, выворачивая ступни носками наружу. Наверно, это выглядело забавно, похоже на Чаплина. Жаль — никто не обращал на него внимания.

В столовой Венька устроился за столиком напротив плаката — Гитлер в бабьем платочке оплакивал сталинградский котёл:

Потеряла я колечко,

А в колечке двадцать две дивизии.

— Погоди, ещё и башку поте-

ряешь, — пригрозил Венька Гитлеру и стал по привычке придумывать фашисту казнь, но отвлёкся — за стол напротив Веньки села мама и улыбнулась: «Скоро принесут».

На Веньку с мамой приходился один обед на двоих, так что ели они из одной тарелки. Тарелки в столовой были «небьючие», «химические» — жёлтые, синие, красные... Венька опять стал думать про Гитлера и незаметно для себя зачастил ложкой. Мама пристроила свою ложку на край тарелки и смотрела, как Венька гоняется в мутной супной жиже за макарониной.

— Знаешь, Вениамин, есть у меня мечта. Вот закончится война, побьём Гитлера, приедем в Ленинград, и пойду я...

— В театр, а там мороженое, — перестал частить ложкой Венька.

— Нет, в театр потом, а сначала пойду на рынок, куплю мяса, картошки, луку и всякого другого и сварю тебе суп. Настоящий домашний суп-рататуй. Не то что этот, — мама поморщилась, но столовский суп с макаронами, серыми, как ленинградская зима, доела быстро.

Венька смотрел, как мама ест, и представил себе этот домашний рататуй с мясом. В его воображении жёлтая тарелка наполнилась мясом, картошкой, луком доверху, и там, под всем этим богатством только чуточку виднелась жидкость.

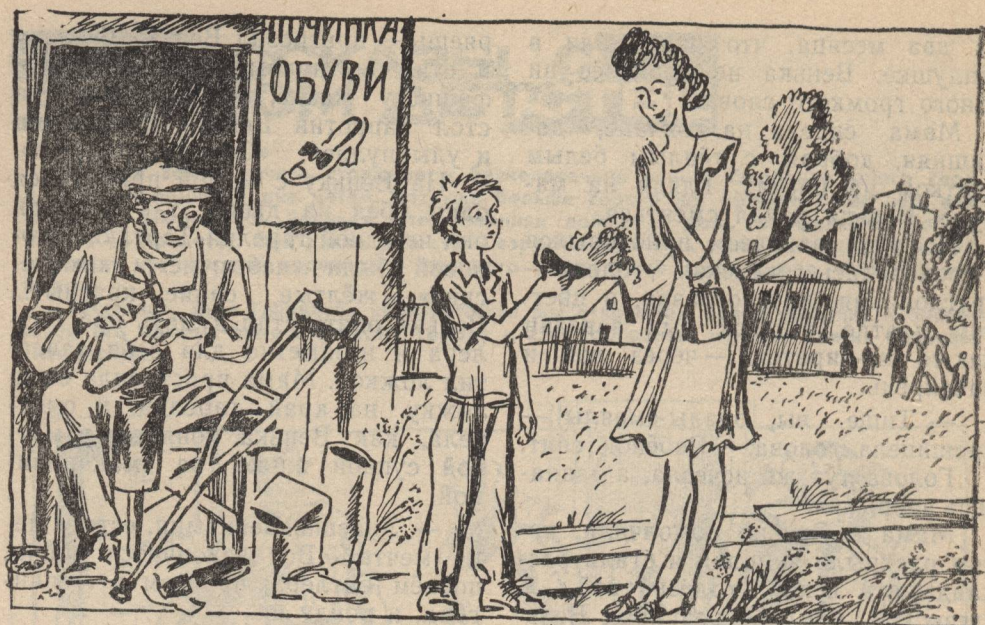
— А ты пойди теперь на рынок и купи, — предложил Венька.

Мама покачала головой:

— Купишь уехал в Париж, остался один...

Что осталось вместо «купыша», Веньке объяснять не нужно было. Всю дорогу из столовой он думал только о том, что хорошо было бы найти много-много денег, купить на них всё, что надо, и сварить суп-рататуй маме на день рождения.

Венька отстучал деревяшками ботинок по мосткам, проскочил толкучку у переезда и остановился возле одноногого сапожника. И почему сапожников называют холод-

ными? Этот был горячий. Ему было даже жарко. Он пытался просунуть руку в носок маленькой светлой туфельки. Тёмные пальцы сапожника держали иголку с ниткой, по цвету похожей на туфельку, но в носок никак не пролезали.

Сапожник разозлился, бросил и иголку и туфельку и сердито поднял голову.

— Смешно дураку, — сказал он Веньке, — лучше бы помог. Ну-ка, дай руку.

Венька протянул руку. Она у него оказалась бледной, с синими жилками.

— Видишь, какая она у тебя маленькая. Ну-ка, держи заказ, держи иголку... Что заплатят — пополам.

Туфелька оказалась лёгонькой, а иголка колючей.

— Ты по старым дырочкам, — учил сапожник, — по фабричным. Сначала в одну сторону прошьёшь, а там и в обратную...

Венька старался всюду. Даже про супрататуй забыл.

Хозяйку туфельки сапожник увидел издали и толкнул Веньку в плечо:

— Ты смотри, какое удивление! Актриса-балерина, рыбочка-цыпочка. Сейчас заказ сдавать будем. —

Сапожник осмотрел ровный чистый шов, подышал на него, провёл пальцем: — Ну, аккурат машинная работа...

А девушка от восторга так даже всплеснула тонкими гладкими ручками: «Ах, как здорово получилось!» Из её сумочки выпорхнула сторублёвая бумажка, пролетела мимо Венькиного носа и упала на железную банку с гвоздями.

— Да не я это, а малец...

— Ах, какой миленький. — Девушка наклонилась, чмокнула Веньку в щёку и пропала в толкучке у переезда.

Сапожник положил сторублёвку в карман. «Снимай свои „стукачи“, я им стуку-то поубавлю». Приколол на Венькины деревяшки резиновые подошвы и набойки, стукнул подошвой о подошву: «Теперь не так далеко слышать будет. Надевай!» Потом достал из кармана двемятые десятки: «Расчёт у нас простой, вычитаю за свою работу, остальное — тебе. Приходи. Будет ещё такое тонкое дело, оставлю для тебя».

Венька прибежал домой и стал разглядывать десятки. Это были его первые деньги. Здорово получилось! По старым дырочкам — легко. Хорошо бы у всех девушек в городе

туфельки по швам лопнули! Он расправил деньги и спрятал их на своём топчане под тюфяком.

Мечта о супе-рататуте становилась реальностью — стопка денежных купюр под тюфяком медленно, но росла. Венька даже съездил на городской рынок и прикинул, сколько понадобится денег. Суп обошёлся недёшево. Не хватало как раз столько, сколько Венька накопил.

Но неожиданно всё рухнуло.

Когда Венька приехал с рынка, соседи были дома. «Круглолицая» и её муж что-то читали и смеялись. Венька прислушался: «Суп из шампиньонов, бифштекс, бефстроганов...» Потом речь зашла о «говядине по-фламандски», и он понял, что читают книгу, где сказано, как надо готовить разную еду.

На другой день — Венька едва дождался, когда «круглолицая» вынесет ребёнка на улицу, — он отодвинул простыню и нарушил границу. Книга лежала на самодельном столике. Она оказалась такой старой и толстой, что Венька растерялся. Ему и нужно-то было найти про суп-рататуту, узнать, как его готовят. Но в разделе «Супы» никакого рататута не обнаружилось. Венька посмотрел на книжку без всякого уважения и удалился на свою половину.

А вечером разразился скандал.

Круглолицая соседка кричала, что, если деньги ей не вернут, она пойдёт к коменданту или в милицию.

— Какие деньги? — недоумевала мама.

— Наши, наши деньги! — не унималась соседка. Надетый по-пиратски платок съехал ей на брови. «Круглолицая» стояла перед простынёй и тыкала пальцем в Венькину сторону: — Кроме него никому! До обеда деньги были!

— Но мы на вашу половину не заходим... — защищалась мама.

— А у меня здесь ниточка натянута... если ухажу! — кричала соседка. — Она порвана...

— Но может быть, ваш муж приходил и ниточку порвал, — предположила мама, — а может быть, знакомые... И вообще... мы же ленинградцы!

— Ну и что?! — соседка делалась пунцовой. — А на чемодане ниточка порвана, — это тоже знакомые заглядывали? Пусть вернёт деньги, а то хуже будет.

После этих слов Венька невольно посмотрел на угол топчана, где под тюфяком лежали деньги на суп-рататуту. Соседка перехватила его взгляд, подбежала к топчану, отогнула угол тюфяка, и Венька закрыл глаза, чтобы не видеть мамино лицо.

Соседка унесла заработанные Венькой деньги на свою территорию. «Вот вам и ленинградцы, — шипела она. — Не плачь, моя маленькая, — успокаивала она ребёнка, — не плачь, тебя воры не украдут, не позволю». Венька бросился на топчан и уткнулся носом в подушку. Нет, он не плакал, он ненавидел.

Хлопнула дверь. Пришёл муж соседки. Они долго шептались. Потом он вышел из-за простыни и стал просить у мамы прощения, вернул Венькин заработок и объяснил, что деньги из чемодана сам взял.

Венька посмотрел на маму гордо... и ужаснулся. В её глазах было такое горе, что Веньке стало за маму страшно.

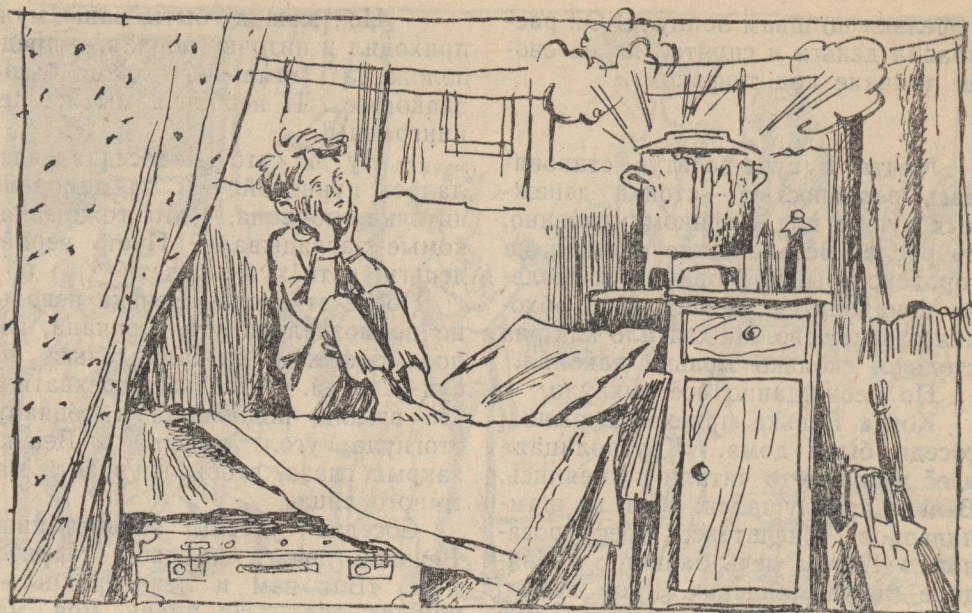
— Откуда у тебя деньги? — спрашивала она. — Откуда у тебя деньги? Откуда?

Венька решил не выдавать секрета супа-рататуты и потому молчал.

— Или ты скажешь, откуда деньги, — лицо у мамы закаменело, — или я сама отнесу их коменданту и пусть он с милицией выяснит, где школьники деньги берут.

И Венька сдался. Про рататуту он, конечно, не упомянул, а про одноклассника рассказал.

— Ну, вот что, парень, — сказал сапожник на другой день, — больше сюда не ходи, а то твоя мамаша мне последнюю ногу оторвёт. Она

меня эксплуататором назвала. Она такого наговорила... иди-ка ты лучше домой.

Но Венька не ушёл. Он рассказал сапожнику всё: про блокаду, про Дорогу жизни, про круглолицую соседку за простынёй, про суп-рататуй, про деньги... «Не везёт мне!» — закончил Венька свою длинную речь.

— Не везёт, говоришь? — Сапожник положил молоток на ящик и обнял Веньку за плечи. — Вот ты сам из Ленинграда. А Колпино знаешь?

Венька Колпино не знал.

— Мы там, под Колпином, осенью сорок первого противотанковый ров брали. Понимаешь — кругом колючая проволока, ров, а за ним — немцы. Режу я проволоку, а он по мне — я же его, гада, вижу! — из автомата от пуза хлещет. Зло меня взяло. Попадёт же в меня, думаю, а сам жив останется! Я тогда с маху на коленку встал и гранатой в его сторону жажнул. А он мне в обе ноги... Одну я ремнём затянул, а другую — противогазной лямкой... И сознание потерял... И представляешь, меня наши уже в братскую могилу потащили, да сели перекурить... И споткнулся об меня ординарец командира роты... споткнулся и пролил

мне на лицо горячий командирский суп. Я и очнулся. Вышло, что не мёртвый я, а раненый. Суп меня спас! «Рататуй» он или ещё там какой, неизвестно, но что с горохом был — точно. Вот так-то, брат. А ты говоришь — не везёт! Очень нам даже с тобой везёт! Найду я тебе работу. Только матери — ни слова.

Так стал Венька специалистом по заплаткам. Начал он снова деньги на суп копить, но домой не носил. Оставлял у сапожника. Работы было много. Приближалась осень, а с ней и мамин день рождения.

Оставалось совсем чуть-чуть подработать, когда пришла старушка в галошах на босу ногу, принесла в починку баретки. Сапожника в этот день не было, и Венька рискнул: взял баретки-развалюшки, а занести пообещал починенные, благо клиентка жила рядом. Работал Венька, как ненормальный, а когда работу закончил, гуталином по бареткам мазнул, щёткой махнул — лучше новых получились! Готовь, бабуля, денежки — поедет Венька на рынок. Завтра у мамы день рождения!

...Дверь в дом была открыта, в сенях стояли женщины в чёрных платках. Венька спросил про свою

старушку — ему показали на открытую в комнату дверь. Он вошёл: старушка лежала на столе. В руках свечка. Ноги закрыты простыней. На голове белый платок.

— Ты кто? — подошёл к Веньке седой мужчина.

Венька развернул фартук, показал баретки.

— Это хорошо, — мужчина взял баретки, — она тебя ждала, говорила, что будет в чём в гроб положить. Спасибо тебе.

Мужчина ушёл в другую комнату, а Венька постоял, постоял — и бочком из дому.

— Эй, куда же ты! — седой мужчина догнал Веньку. — Покойная наказ оставила. У неё всё в разных бумажках завернуто. С надписями. Смотри — «сапожнику».

— Да ладно, — попробовал отказать Венька.

— Бери. Не брать нельзя. — Мужчина сунул Веньке бумажку с деньгами. — Она же из Ленинграда, эвакуированная.

На рынке Венька покупал, не торгуясь. И мясо, и картошку. Поскольку супов он никогда не варил, а соседку спрашивать не хотел, то сделал просто: всё помыл, почистил, положил в кастрюлю и залил водой. Подумал и вылил туда же чешку орехового масла, накрыл голубой тарелкой, лёг на топчан и стал ждать.

Его разбудила мама:

— Вениамин, чем это у нас пахнет?

Венька вскочил с топчана:

— С днём рождения! Я тебе суп-рататуй сварил!

Мамины глаза округлились и стали совсем как у пиратки-соседки. Она сняла тарелку и заглянула в кастрюлю. Венька почувствовал, как пахнуло чем-то едким:

— Что это?

— Формалин. Из тарелки. Она же химическая. Но ты не расстраивайся, это дело поправимое.

Венька заглянул в кастрюлю. Суп-рататуй был похож на кашу: картошка и лук разварились, только мясо лежало тёмной глыбой в светлой, резко пахнувшей гуще.

Венька чуть не заплакал. Спасибо маме. Она достала пузырёк и капнула в суп. Венька опять сунул нос в кастрюлю. Теперь пахло картошкой, луком и ореховым маслом. Наверное, пахло и мясом, просто Венька этот запах забыл.

Они сидели с мамой друг против друга и ели суп-рататуй.

— Правда, вкусно? — после каждой ложки спрашивал Венька.

— Вкусно, — улыбалась мама. — Спасибо, сынок!

Он лёг спать сытый и счастливый.

Мама постояла около его топчана, погладила давно не стриженные вихры и вздохнула: «Дурачок ты мой сероглазенький...» Но Венька ничего уже не слышал. Он засыпал.

А когда Венька засыпал, то обязательно садился в самолёт и летел бомбить Берлин. Бросать бомбы на проклятого Гитлера. Вот и сейчас он летит над Берлином и слышит от своего помощника, что бомб в самолёте больше нету.

— А что есть? — спрашивает Венька.

— Суп-рататуй, — кричит помощник, — целая кастрюля!

— Давай! — командует Венька, и ясно видит, как кастрюля приближается к земле и падает прямо на голову Гитлера.

Венька смеётся радостно. Потому что хорошие сны во время войны снились редко.

Рис. Л. Уральской

Заседание шестьдесят девятое
Ведёт почётный председатель клуба
В. С. Альбум-Маркин

КЛУБ ЮНОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА

25 июня 1945 года, на следующий день после Парада Победы, в Кремле был устроен приём. Среди гостей находились выдающиеся советские полководцы и учёные, руководители оборонной промышленности и инженеры-конструкторы, деятели искусства и культуры.

Когда слово было предоставлено Сергею Гавриловичу Симонову (он должен был выступить от имени создателей военной техники), Георгиевский зал взорвался аплодисментами.

Смущённому конструктору так и не пришлось говорить...

Кто же вместе с С. Г. Симоновым создавал в годы Великой Отечественной войны боевое оружие?

Это конструкторы: С. В. Ильюшин, В. М. Петляков, С. А. Лавочкин, Н. Н. Поликарпов, А. Н. Туполев, А. С. Яковлев (авиация); М. И. Кошкин, А. А. Морозов, Ж. Я. Котин, Н. Л. Духов (танки и самоходные установки); Ф. В. Токарев, В. А. Дегтярёв, Г. С. Шпагин, А. И. Судаев, Б. Г. Шпитальный, Е. Ф. Драгунов, С. А. Коровин, П. М. Горюнов (стрелковое оружие); Ф. Ф. Петров, В. Г. Грабин, И. И. Иванов, М. Я. Крупчатников, Б. И. Шавырин (артиллерийские орудия и миномёты); Н. И. Тихомиров, Б. С. Петропавловский, Г. Э. Лангемак («Катюши»); А. Н. Гарсоев, Н. А. Зарубин, Б. М. Калинин (подводные лодки).

О них, творцах оружия, и пойдёт сегодня у нас разговор.

Творцы оружия

СОЗДАТЕЛЬ ПТРС

В июле 1941 года конструктор стрелкового оружия Сергей Гаврилович Симонов был срочно вызван в Наркомат вооружения СССР.

— Нужно противотанковое ружьё, — сказал нарком. — Срок исполнения — месяц. Сами знаете, какое сейчас положение на фронте.

Положение на фронте сложилось тяжёлое. И хотя стойкости и отваги бойцам Красной Армии было не занимать, перевес фашистов в технике сказывался ощутимо. Так, в борьбе с основной ударной силой фашистов — танками — советские пехотинцы оставались практически безоружными.

И тем не менее срок, указанный наркомом, выглядел нереальным.

Симонов не был новичком в своём деле. Десятки систем стрелкового оружия значились на его счету, а автоматическая винтовка его конструкции была принята в 1936 году на вооружение Красной Армии. Но на отработку винтовки ушло шесть лет! На создание противотанкового ружья отводился месяц.

Война диктовала свои особые сроки.

В принципе идея противотанкового ружья была не новой. Уже в предвоенные годы советские конструкторы разработали более пятнадцати образцов, но... ни один из них не был признан удовлетворительным. К противотанковому

ружьё предъявлялись особые требования: оно должно было быть сравнительно лёгким, простым и надёжным в обращении, обладать хорошей бронебойной силой и не создавать особых трудностей при заводском изготовлении.

Ружьё, созданное в 1939 году советскими конструкторами Н. В. Руквишниковым, С. В. Владимировым и Б. Г. Шпитальным, отвечало многим из названных требований, однако обилие сложных деталей делало массовый выпуск в условиях войны невозможным.

Когда человек попадает в обстоятельства исключительные, когда на решение задачи отводятся ему не годы, не месяцы, а дни и часы, решение чаще всего приходит неожиданно и быстро. В общих чертах Симонов представил конструкцию ружья ещё в машине — за те несколько часов, которые потребовались ему, чтобы добраться от Наркомата до конструкторского бюро.

А дальше начались трудовые будни. «Мы работали день и ночь. Время для нас было спрессовано до предела».

Через двадцать два дня опытный образец был готов. На заводских испытаниях ружьё легко пробивало сорокамиллиметровую броню (именно такая броня была у средних фашистских танков, у лёгких — значительно меньше). Ещё через три месяца первая партия пятизарядных противотанковых ружей системы Симонова (ПТРС), изготовленная тульскими оружейниками, поступила в распоряжение защитников Москвы.

Из солдатских писем, адресованных конструктору.

«Москва. Конструктору Симонову. Радые сообщить Вам, что противотанковые ружья Вашей конструкции наносят ежедневно огромный урон врагу. Бронебойщики успешно поражают не только лёгкие и средние танки, но и самолёты противника. Ваше оружие — универсально...»

«Защитники Сталинграда — Болото, Алейников, Самойлов и Блинов вступили в единоборство с тридцатью вражескими танками. Четвёрка бронебойщиков подбила пятнадцать танков, остальные повернули вспять...»

В 1942 году Сергею Гавриловичу Симонову была присуждена Государственная премия первой степени.

Но пожалуй, высшей наградой для конструктора стал визит к нему бывшего бронебойщика Семёна Филипповича Антипкина. Демобилизованный солдат, который четыре года не был дома, специально на полдня заехал в Москву, чтобы разыскать Симонова и пожать ему руку.

НЕПРЕВЗОЙДЕННАЯ «ТРИДЦАТЬЧЕТВЁРКА»

19 декабря 1939 года новый советский средний танк Т-34 был принят на вооружение Красной Армии.

К 22 июня 1941 года тысяча двести двадцать пятая по счёту «тридцатьчетвёрка» вышла из заводских ворот.

Тысяча бронированных машин — это капля в огневом море начавшейся войны.

Но именно первым «тридцатьчетвёркам» и их сёстрам предстояло во многом решить исход грядущих танковых сражений.

Из докладной записки гитлеровского генерала Э. Шнейдера:

«Русский танк Т-34 вооружён пушкой, снаряды которой пробивают броню наших танков с полутора тысяч метров, тогда как наши танки могут поражать русские с расстояния не более пятисот метров, да и то лишь в том случае, если снаряды попадают в бортовую броню или в кормовую часть...»

Гитлер назвал генерала паникёром.

Однако после сражений под Москвой и Сталинградом в силу советских «тридцатьчетвёрок» поверил и Гитлер.

По его требованию на фронт прибыли представители штабов, управления вооружения, танкостроители и конструкторы. Всем им надлежало обследовать несколько захваченных русских «тридцатьчетвёрок» и немедленно наладить производство таких же в Германии.

Конструкторы и танкостроители в один голос заявили, что сделать это в кратчайший срок невозможно: нужно перестраивать всю танковую промышленность.

Тогда разгневанный фюрер потребовал, чтобы были созданы свои не менее надёжные танки и чтоб преимущество вермахта в танковом вооружении в ближайшие месяцы было восстановлено.

Конструкторы засели за чертёжные доски. И вскоре на свет божий

появился танк под названием «пантера».

Название обязывает и одновременно впечатляет. От «пантер» гитлеровские генералы ждали чуда.

«Но, — как пишет бывший министр вооружений гитлеровской Германии Шпеер, — советские танки насквозь простреливали лобовую броню «пантер» даже на большом расстоянии...»

Чуда не состоялось.

Тогда на свет божий появились «тигры».

Весьма красочно описывает первую атаку «тигров» всё тот же Шпеер:

«Русские артиллеристы с полным спокойствием пропустили танки мимо своей батареи, а затем точными попаданиями ударили в борта первого и последнего «тигра». Остальные четыре танка не могли двигаться ни вперёд, ни в сторону и вскоре также были подбиты. То был полнейший провал...»

Происшествие с «тиграми» решено было замять, а их конструкцию довести до нужной кондиции.

Стараниями фашистских инженеров танки в конце концов были улучшены. Их улучшенные варианты приняли участие в знаменитом Курском сражении.

Скажем сразу: ветеранам «тридцатьчетвёркам» трудно пришлось в споре с модернизированным противником. «Тридцатьчетвёрки» имели меньшую броню и меньшую огневую мощь. Но наша армия располагала к этому времени достаточным количеством тяжёлых танков ИС и самоходными артиллерийскими

установками, которые успешно справились с поставленной задачей.

Сотни «пантер», «фердинандов» и «тигров» грудой металлолома остались на поле боя.

Впрочем, конструкторы «тридцатьчетвёрок» не считали, что их танк сказал своё последнее слово.

Конструкторы усилили броню и поставили более мощную — 85-мм — пушку. Модернизированная «тридцатьчетвёрка» получила название Т-34-85.

Появление модернизированных «тридцатьчетвёрок» оказалось для гитлеровцев малоприятным сюрпризом. После выстрелов усовершенствованной «тридцатьчетвёрки» прекрасно горели и усиленные «тигры», и обновлённые «фердинанды», и улучшенные «пантеры».

Гитлеровский инженер Ф. Порше (крестный отец «тигров» и «фердинандов») пообещал фюреру создать несокрушимого «королевского тигра», под ударами которого ненавидимые русские «тридцатьчетвёрки» будут раскалываться как орех.

«Долгожданная» танковая встреча состоялась в августе 1944 года, уже в Германии, на западном берегу Вислы. Батальон сверхсекретных «королевских тигров» вёл сын конструктора — А. Порше. Эта его пер-

вая встреча с советским танком Т-34-85 оказалась и последней.

Наш танк, стоявший в засаде, одним-единственным выстрелом вдребезги разнёс головной «королевский тигр», в котором находился Порше-младший.

Очередное обещанное Гитлеру «чудо» не состоялось.

Когда завершилась война и были подведены некоторые итоги, специалисты разных стран единодушно назвали советский танк Т-34 лучшим средним танком времён второй мировой войны.

Что ж, оценка, можно сказать, вполне справедливая.

Остаётся добавить, что за годы войны нашей оборонной промышленностью было выпущено более сорока тысяч танков Т-34 (вспомните первоначальную цифру: тысяча двести двадцать пять!).

Основным поставщиком являлись танковые заводы Урала. А создателем машин был коллектив харьковских конструкторов во главе с инженерами Михаилом Ильичом Кошкиным и Александром Александровичем Морозовым.

На марках — военная техника времён Великой Отечественной войны.

ЖЕЛАНИЕ ЗАЩИТИТЬ

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

«— Тсс! — шепнул Холмс и щёлкнул курком. — Смотрите! Вот она!..»

Я выпрямился и, почти парализованный тем зрелищем, которое явилось моим глазам, потянулся ослабевшей рукой к револьверу. Да! Это была собака, огромная, чёрная как смоль. Из её отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьём воспалённом мозгу не могло возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана... Тогда и я, и Холмс выстрелили одновременно, и раздавшийся за этим оглушительный рёв убедил нас, что по меньшей мере одна из пуль попала в цель!...

Вы, конечно, сразу догадались, что речь идёт об «исчадии ада, рождённом в глубине торфяных болот», — о собаке Баскервильей.

Чуть ниже в записках доктора Ватсона будут строки: «Я нагнулся над ней, задыхаясь от бега, и приставил дуло револьвера к этой страшной сверкающей

морде, но выстрелить мне не пришлось — исполинская собака была мертва...»
Мертва! А вот это — неправда.

Несколько дней назад я видела её. Повернув ко мне разверстую пасть с устрашающими зубами, она стояла в углу комнаты... Живая! Как живая...

— Что! Страшно!

— И страшно тоже. И ещё что-то...

— А что ещё! Ну, что! Что!

— Ещё, пожалуй, жалко её немножко...

— Ой, как хорошо... Как хорошо, что и вам её тоже жалко! Ведь она же ни в чём не виновата. Это же злой человек превратил её в чудовище!

Пора вам пояснить, что разговор этот происходит в мастерской замечательной ленинградской художницы Маргариты Анатольевны Скриповой-Ясинской. А собака, что находится в углу комнаты, — настоящая, хотя и не живая. Настоящая, потому что именно она «играла роль» собаки Баскервиль в фильме, поставленном режиссёром Игорем Масленниковым.

— Не совсем так, — поправляет меня Маргарита Анатольевна. — «Героиня» в фильме состоит, если можно так выразиться, из нескольких частей. В кадрах действует и обыкновенная собака — дог. Но там, где в картине должна появляться страшная зубастая пасть собаки, — «роль играла» моя кукла.

— Интересно, а как пришли к такому решению — играть куклой!

— Дело в том, что в природе всё настолько красиво, что как собаку перед камерой ни поворачивай, всё равно она на экране устрашающей не выглядит. Без специально сделанной морды собаки-чудовища было не обойтись.

— Трудно работалось!

— Самое трудное было — сделать её злой. Когда я над ней работала, ко мне в гости приходила маленькая девочка. Так вот, ей всё время хотелось моё «чудовище» погладить. Спрашиваю: «Тебе что, жалко её!» — «Жалко!» — говорит. Проходит ещё несколько дней, опять у меня девочка в гостях и опять всё то же: «Жалко!» Надо мной даже посмеиваться стали.

Пришла я на киностудию. «Познакомили» меня с настоящим кинодогом — догом. Он из самых добрых побуждений поставил мне лапы на плечи, я отшатнулась, конечно, но поняла, что пёс-то он милый, ласковый.

Череп волка мне принесли... Вы не представляете, какая великолепная пластика, какие красивые, совсем не страшные зубы!

— И какой же вы нашли выход!

— Я стала лепить голову. Стала искать образ. Мне запомнились обвислые дёсны дога — и я эту «обвислость» усилила, чуть увеличила размеры зубов, сделала их неправильными, а язык наоборот укоротила, чтобы он зубы от зрителя не закрывал. А вот глаза сделала с кровоподтёками... Словом, кукла свою роль в фильме сыграла верно, но моё, глубоко запрятанное сочувствие к собаке осталось. И я рада, что и вы её пожалели...

Мы ходим по мастерской, рассматриваем куклы.

— Маргарита Анатольевна, вы рассказали мне только об одной вашей кукле, а их у вас так много — просто глаза разбегаются! Наверное, несколько десятков уже!

— Почему — десятков! Думаю, что несколько сотен. Но точную цифру назвать не могу.

— А ведь я к вам пришла и о куклах ваших поговорить, и поиграть в них — вместе с нашими читателями, и с вашей помощью поучиться их делать — тоже. Вы на всё это согласитесь!

Маргарита Анатольевна только на минутку замешкалась, а потом сказала решительно:

— Соглашусь. И знаете почему! Как-то так получается, что сейчас почти в каждой семье по одному ребёнку, и мы его, единственного, так любим, так ото всего защищаем, что он становится равнодушным, эгоистичным... Он-то сам кого любит! Кого жалеет! Может быть, с куклы всё и начинается! Пусть ребёнок делает свою куклу и её защищает... Как вы думаете!

— Наверное, вы правы. Ведь что своими руками сделаешь, во что душу вложишь, то и полюбишь. А что полюбишь — то и защитить захочется.

Но это уже другой, отдельный разговор. Обо всём этом — в следующий раз.

Беседу ведёт К. БОРИСОВА

[Продолжение беседы в следующем номере]

Рис. Г. Ясинского

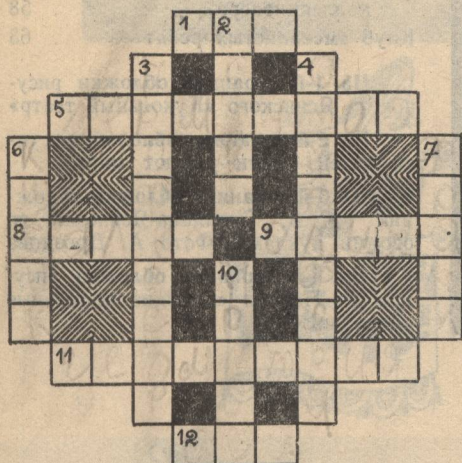

Итак, начинаем новый конкурс решения занимательных задач и головоломок. Желающие принять в нём участие должны прислать вместе с ответами на опубликованные в этом номере задания заявку, в которой следует указать своё полное имя, фамилию, класс, школу, домашний адрес с почтовым индексом и номер домашнего телефона, если он есть.

А между теми, кто пришлёт правильные ответы на головоломки, напечатанные в этом номере «Искорки», будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 марта.

КРОССВОРД

Составила Светлана Трусёва
(252-я школа)

По горизонтали: 1. Правый приток Усури. 5. Русский поэт. 8. Вид сценического искусства. 9. Дерево. 11. Раздел математики. 12. Райцентр Пермской области.

По вертикали: 2. Род многолетних трав. 3. Учёное звание. 4. Воздушная «одежда» Земли. 6. Приз за успехи в спорте. 7. Денежная единица Франции. 10. Станок для обработки материалов давлением (5 очков).

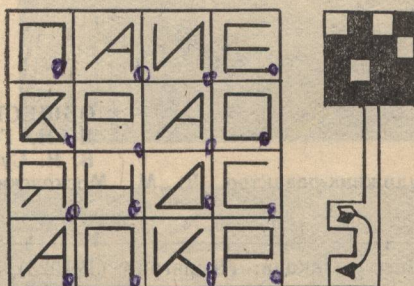
ТОЧКИ, ТОЧКИ...

Задания такого типа ещё ни разу не печатались в «Искорке». Разгадав секрет головоломки, прочтёте строку из стихотворения Михаила Исаковского (4 очка).

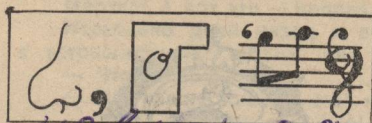
ШИФР

Составил Виталий Кузьмин
(144-я школа)

С помощью ключа прочтите название популярного издания для детей (3 очка).

МИКРОРЕБУС

Прочтите название древнего русского города (2 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

(ответы к «Искорке» № 11)

ТОЧКИ, ТОЧКИ...

«Я голосую за мир голосом миллионов»

УМНОЖЕНИЕ

«Молодая гвардия» А. Фадеева.

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Шуга. 2. Гора. 3. Грот. 4. Штык.
5. Гойя. 6. Арык. 7. Тайм. 8. Баку.
9. Тула. 10. Круг. 11. Лион. 12. Карп.
13. Трап. 14. Порт.

ЗАГАДКА

Напёрсток.

ШИФР

«Искорка».

КТО ПОБЕДИЛ

Самый лучший и обстоятельный ответ на все задания, опубликованные в «Искорке» № 10, прислала ученица 6-а класса 294-й школы Инна Зверева. Ей и будет вручён приз.

СОДЕРЖАНИЕ

✓ Твой друг компьютер. Очерк Игоря Сидорова	1
Всегда в пути. Стихотворение Сергея Погореловского . . .	6
Небесный гость. Фантастическая повесть Александра Беляева	7
Стихи о Москве Валентина Осипова и Михаила Садовского	22
Именем закона!. Первая встреча с законом. Рассказ Олега Данилова	23
Ладони. Стихотворение Николая Голя	33
Как придумали первый алфавит. Сказка Редьярда Кипплинга	35
Кактус	43
Большое кругосветное путешествие на воздушном шаре. День первый. Ответственный за публикацию Олег Орлов	48
Суп-рататуй. Рассказ Льва Гаврилова	52
Творцы оружия (Клуб юного коллекционера)	58
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок Г. Ясинского «Кукольный театр»

На 2-й странице обложки рисунки детей «Дети рисуют мир»

На 3-й странице обложки художник М. А. Скрипова-Ясинская со своими куклами. Фото А. Дроздова

На 4-й странице обложки рисунок Р. Попова «Стойкие оловянные солдатики»

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

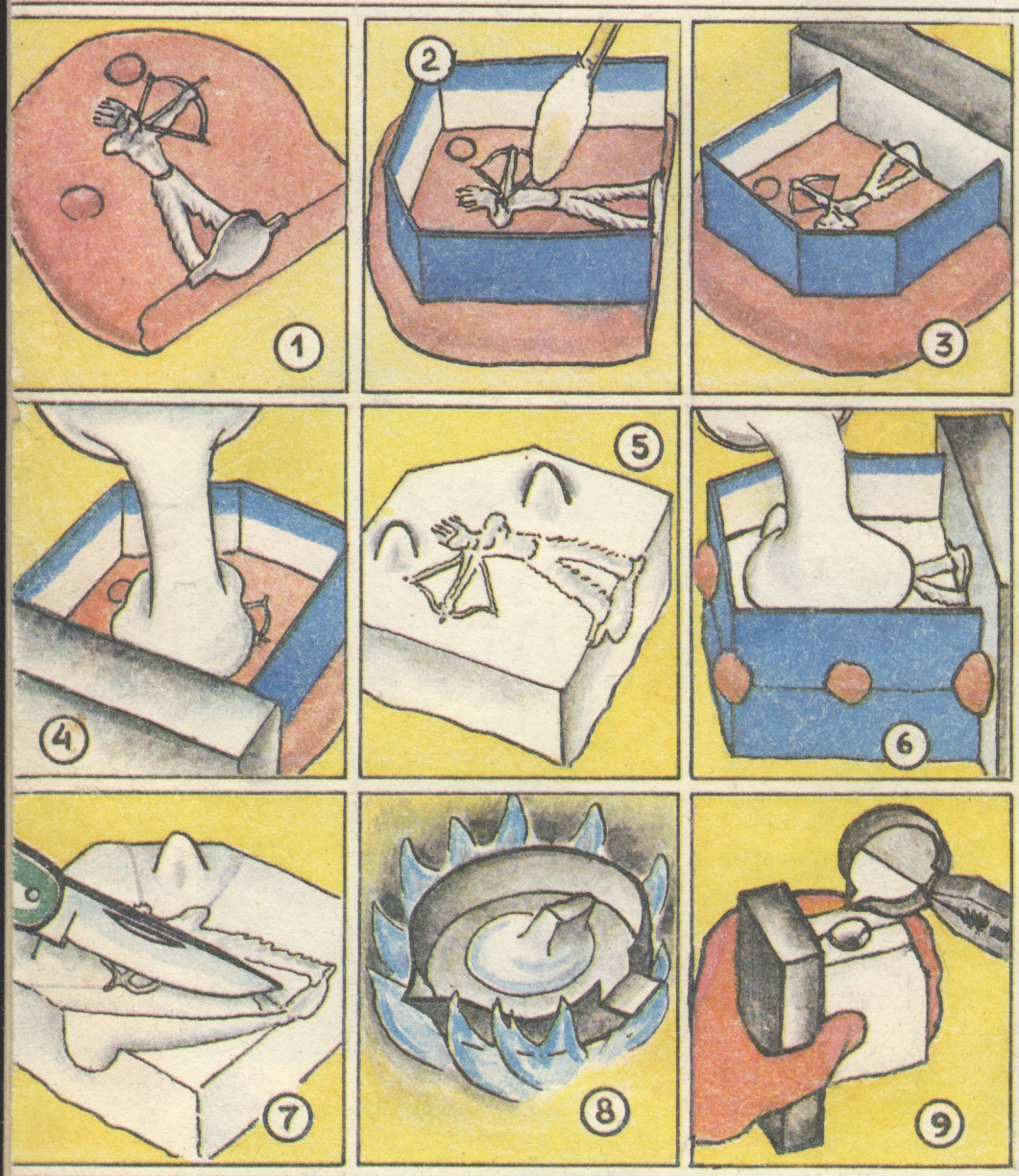
Сдано в набор 04.12.85. Подписано к печати 20.01.86. М-29519. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отг. 6,48. Уч.-изд. л. 5,69. Тираж 60 000. Заказ № 281. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

ЦЕНА 20 КОП.

Стойкие словажные солдатики

ИНДЕКС 73735